

ПОДЪ БАРСОМЪ.

со 2-го августа по 1-е декабря 1855 года (*).

Приятно вспоминать прошедшее, въ особенности когда значительный промежутокъ времени отдаляетъ его отъ настоящаго. Все бывшее въ воображеніи нашемъ рисуется въ лучшемъ видѣ, чѣмъ настоящее. Такъ, иногда, пороешься въ памяти и предъ вами, какъ бы воскресаютъ чуть ли не всѣ прошлыя событія и обрисовываются гораздо ярче и цвѣтистѣе.

Всѣ, такъ называемые, труды боевой жизни, какъ то: форсированные марши, движенія верстъ на двѣсти впередъ, а потомъ назадъ, ночи, проведенныя на конѣ безъ сна, и нѣкоторыя кратковременныя лишенія нисколько не тягостны въ воспоминаніяхъ. Но и на самомъ дѣлѣ, во время самой войны, они далеко не такъ тягостны, какими ихъ себѣ представляешь. Это ни болѣе и ни менѣе, какъ легкія неудобства. Но за то сколько минутъ, истинно пріятныхъ; съ какимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ, при закатѣ солнца, когда раскинуты палатки для ночлега, лежишь на травѣ въ ожиданіи чая или скромнаго ужина, послѣ которыхъ такъ сладко и безмятежно спишь до слѣдующаго утра, до новаго похода.

(*) Изъ записокъ топографа очевидца.

И снова походъ; привалъ и походный не затейливый завтракъ на привалѣ; добрые товарищи и братскій дѣлежъ межъ собой всѣмъ, кто чѣмъ богатъ.

Бываетъ иногда — устанетъ человекъ; но за то постоянно веселъ и здоровъ и не страдаетъ разстройствомъ желудка или недостаткомъ аппетита. А сколько людей, живущихъ на одномъ мѣстѣ, которые жалуются на скуку и недуги!

Теперь прошло уже два года, какъ кончилась война, всѣ отряды, бывшіе въ дѣйствиіи, разошлись по своимъ мѣстамъ; недосчитываешься многихъ товарищей: одни пали со славою на поляхъ битвъ, другіе, за ранами, оставили службу и разъѣхались по домамъ, доживать свой вѣкъ въ кругу родныхъ и близкихъ сердцу; немногіе уцѣлѣли изъ бывшихъ товарищей; оставшіеся же на службѣ, принявъ новыхъ сослуживцевъ въ ряды свои, съ особеннымъ удовольствіемъ рассказываютъ новобранцамъ о славныхъ подвигахъ тѣхъ, чьи мѣста они заступили, чѣмъ товариществомъ они гордились.

Много лѣтъ пройдетъ; но рассказы будутъ повторяться, переходя отъ стариковъ къ молодымъ, которые, при юномъ пылкомъ воображеніи, будутъ восхищаться дѣлами отцовъ своихъ, даже завидовать имъ и горѣть нетерпѣніемъ быть въ подобныхъ же обстоятельствахъ: но и имъ придетъ своя очередь.

Вслѣдствіе подобныхъ воспоминаній и бесѣдъ въ домашнемъ кругу о минувшей войнѣ, въ которой имѣлъ счастье участвовать, во все продолженіе 1854 и 1855 годовъ, въ числѣ офицеровъ штаба дѣйствующаго корпуса въ Азіатской Турціи, мнѣ не разъ приходило на мысль описать какой нибудь эпизодъ изъ военныхъ дѣйствій, которыхъ былъ свидѣтелемъ и соучастникомъ. При помощи замѣтокъ, аккуратно-веденнаго дневника и при пособіи памяти, это казалось возможнымъ. Рассказы мои, какъ очевидца, пишущаго личныя впечатлѣнія, могутъ быть болѣе или менѣе ошибочны; но самыя событія, какъ въ фактическомъ, такъ и хронологическомъ отношеніи, останутся вѣрны.

Предметомъ разсказа я избралъ время нахождения дѣйствующаго корпуса подъ Карсомъ на позиціи Чифтликая (*), со 2-го августа по 1-е декабря 1855 года.

(*) Въ срочныхъ донесеніяхъ генералъ-адъютанта Муравьева *Чистликъ*.
Ред.

Въ полдень 30 іюля, отрядъ нашъ благополучно вернулся изъ-подъ Керпикева и расположился на позиціи при селеніи Тикмэ, на рѣкѣ Карсъ-чай; оставшаяся же часть войскъ, подъ командою генераль-лейтенанта Бриммера, для наблюденія за Карсомъ, стояла версть на семь ниже по рѣкѣ, при селеніи Комацуръ.

Пріятеиъ былъ длинный походъ въ глубь Турціи, гдѣ мы вдоволь насмотрѣлись новаго, были въ маленькомъ, чрезвычайно красивомъ городкѣ Гассанъ-кале, расположенномъ въ самой чудной и живописной мѣстности; но несмотря на то, возвращеніе къ Карсу было для насъ особенно радостно, какъ будто мы пришли подъ родной кровъ, — такъ велика сила привычки!

Мы предугадывали, что скоро соединимся съ Комацурскими своими товарищами. На другой день, 2-го августа, было отдано приказаніе готовиться къ выступленію; около полудня, барабанный бой былъ сигналомъ движенія. Пройдя версть пять по прекрасному ровному луговому мѣсту внизъ по рѣкѣ, мы остановились. Офицеры генеральнаго штаба скакали по всѣмъ направленіямъ, распоряжаясь отведеніемъ мѣстъ для каждой части войскъ; вскорѣ прибылъ и обозъ.

Кирки застучали о каменистый грунтъ; начали устанавливать палатки и работа закипѣла.

— Вбивай колья глубже, вѣдь долго придется стоять, сказалъ подѣхавшій знакомый адъютантъ.

— Какъ! П. М. спросили мы всѣ въ одинъ голосъ:—развѣ мы здѣсь навсегда?

— Навсегда не навсегда, а до зимы простоишь, господа, сказалъ адъютантъ, слѣзая съ коня и подходя къ намъ, съ явнымъ удовольствіемъ, что сообщилъ такую важную новость.—Я слышалъ это отъ самого генерала, когда онъ разговаривалъ со многими изъ своихъ, и съ нѣкоторыми штабъ-офицерами,

— То есть, вы слышали по вѣтру — ѣхавъ съ боку», подхватилъ улыбаясь одинъ изъ офицеровъ.

— Пожалуй, какъ себѣ хотите, но дѣло въ томъ, что мы простоишь здѣсь до зимы.

— Значитъ, будемъ штурмовать Карсъ?

— Ну, ужъ про это вамъ знать, господа, у васъ и планы в карты въ рукахъ, отвѣтилъ адъютантъ:—когда узнаете что либо вѣрное, то подѣлитесь и сомной вашимъ секретомъ, сказалъ онъ.

обращаясь иронически къ насмѣшнику. Однако, я съ вами заговорился, господа; пора на отдыхъ и на службу.

— Прощайте, П. М., заходите къ намъ, мы съ вами сосъди!....

Скоро всѣ устроились, я и мой бивуачный сожитель, подъ палаточными навѣсомъ, лѣниво разлегшись, толковали о будущемъ. Предметомъ разговора естественно былъ Карсъ и всѣми желаемый штурмъ его. Къ вечеру, подошли гости, съ большимъ запасомъ новостей, слышанныхъ въ разныхъ концахъ новаго лагеря, и протолковавъ почти до полуночи, разошлись по домамъ.

Лагерь, расположенный на красивой мѣстности, раздѣлялся рѣкою Карсъ-чаемъ на два: верхній и нижній. Съ правой стороны рѣки, скатъ горъ образовывалъ обширную площадь, оканчивавшуюся небольшимъ крутымъ скатомъ. Это былъ верхній лагерь. Вдоль лѣваго берега рѣки тянулся широкій и длинный лугъ до самаго Карса, отстоящаго почти на 7 верстъ,—то было мѣсто нижняго лагеря.

Главная квартира находилась въ верхнемъ лагерѣ.

Внѣ линіи штабныхъ палатокъ, стояла одна больше другихъ, осѣненная деревяннымъ крестомъ,—это была наша походная церковь, въ которой ежедневно совершалось Богослуженіе; въ праздничные дни, она не могла вмѣщать богомолцевъ, поэтому, при хорошей погодѣ, растягивалась съ той стороны, гдѣ находились двери, и храмъ расширялся на сколько угодно.

Нѣсколько дней спустя, черезъ рѣку былъ устроенъ прочный мостъ, прямо противъ ставки главнокомандующаго, подлѣ развалинъ деревни Чифтли-кая.

Съ этого времени, наступила тѣсная блокада Карса. Дѣйствующій корпусъ обложилъ крѣпость отдѣльными отрядами со всѣхъ сторонъ. Въ Чифтли-каѣ, какъ я сказалъ, стояли главные силы. По временамъ, когда требовали обстоятельства, милиціонеры изъ главнаго лагеря располагались на позиціи при деревнѣ Магараджикъ; а по направленію къ Саганлугскому хребту, при деревнѣ Катанлы, стоялъ полковникъ князь Андронниковъ, съ частью милиціи; и такъ Карсъ былъ обложенъ кругомъ; словомъ, все было устроено, оставалось только сражаться, но Турки не выходили изъ крѣпости; являлись только перебѣжчики и жители, хотѣвшіе вовсе уйти изъ Карса; но приказано было: на пикетахъ, отъ всѣхъ выходящихъ отбирать свѣдѣнія, какія имен-

но причины побуждаютъ ихъ къ тому, и христіанъ пропускать, а мусульманъ возвращать въ Карсъ.

7-го числа, утромъ, выступилъ изъ крѣпости значительный отрядъ пѣхоты и кавалеріи; многіе думали, что Турки рѣшились дать намъ сраженіе въ полѣ, и поздравляли другъ друга съ битвой, но скоро пришлось разочароваться, — едва небольшая часть нашей кавалеріи подскакала къ нимъ и завязала перестрѣлку, они начали поспѣшно отступать въ крѣпость.

Подобныя эволюціи повторялись часто. Вѣроятно, Турки выступили единственно для фуражировки, что имъ не удалось, да и въ послѣдствіи удавалось весьма рѣдко.

Въ ночь того же дня, изъ нижняго лагеря было пущено восемь ракетъ, которыя произвели страшную тревогу во всей крѣпости, и вызвали подъ ружье всѣ войска, простоявшія до утра въ ожиданіи нападенія съ нашей стороны.

Около этого времени, разѣзды наши перехватили двѣ почты, шедшія въ Карсъ. Главнокомандующій оказалъ при этомъ случаѣ особую вѣжливость и любезность, отправивъ въ крѣпость частныя письма съ нарочнымъ парламентаремъ.

Солдаты изъ Карса выбѣгаютъ къ намъ ежедневно по нѣсколько человѣкъ; изъ разсказовъ ихъ видно, что гарнизону общаются подвозы хлѣба и подкрѣпленія; но они плохо вѣрятъ своимъ начальникамъ; плѣнные, взятые при послѣдней перестрѣлкѣ, показывали то же, что и перебѣжчики; слѣдовательно, довѣріе войскъ къ муширу слабѣетъ, а это вѣрнѣйшій признакъ упадка духа въ арміи. Заговоривъ о плѣнныхъ, не могу умолчать объ одномъ изъ нихъ.

Это было еще въ іюлѣ, до расположенія нашего отряда при Чифликаѣ. Слѣдовательно, разсказъ мой будетъ нѣкоторымъ образомъ отступленіемъ, за которое, надѣюсь, мои читатели меня простятъ.

Въ числѣ больныхъ, оставленныхъ турецкимъ отрядомъ Вели-паши, при отступленіи его отъ одной деревни (Керпикева), находился человѣкъ, съ которымъ его единовѣрцы обращались съ большимъ уваженіемъ и который особенно заинтересовалъ насъ.

Незадолго передъ закатомъ солнца, мы увидѣли этого плѣнника, стоящаго на колыняхъ и молящагося, не смотря на окружающую его толпу любопытныхъ. Плѣннику было за 50 лѣтъ; со всклокоченной русой бородой, рябоватое лицо его выражало

строгость, надмѣнность и презрѣніе: лицо, руки и ноги были мѣднаго цвѣта,—онъ молился съ полнымъ увлеченіемъ. Воздѣвая руки къ небу и ударяя себя въ грудь, онъ шепталъ что-то, и усердно клалъ земные поклоны; недоставало только одного креста и тогда молитва его походила бы на молитву христіанина. На немъ надѣто было парусинное платье, что-то среднее между грузинской чухой и русскимъ кафтаномъ; толстыя, узенькія холщевыя шаравары закрывали ноги немного ниже колѣнъ, а на ступняхъ красные азіятскіе башмаки довершали странный нарядъ; стоялъ онъ на двухъ какихъ-то сѣрыхъ шкуркахъ; съ правой стороны лежалъ небольшой узелокъ съ его имуществомъ, а впереди стоялъ обыкновенный жестяной кувшинъ для омовеній.

— Кто это такой? спросилъ одинъ офицеръ стоящаго съ нами милиціонера Татарина.

— Не знаю, его только что привели.

— Разспроси его, пожалуйста, что онъ за человекъ.

Незнакомецъ въ это время только что кончилъ молитву и сѣлъ на шкурки; милиціонеръ подсѣлъ къ нему. Разговоръ между ними, повидимому, сначала не клеился, но потомъ мало по малу они ознакомились. Пѣвникъ говорилъ, что-то съ большимъ увлеченіемъ, то повышая, то понижая голосъ, и сопровождая свой разговоръ странными тѣлодвиженіями; потомъ оба собесѣдника дружески распрощались и нашъ переводчикъ рассказалъ слѣдующее, употребляя, какъ видно было, всевозможныя старанія правильно передать намъ свой разговоръ съ незнакомцемъ.

Вотъ что говорилъ военнопѣвникъ: «Болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, я былъ въ Индіи раджею одной страны; жилъ съ семействомъ и подвластнымъ мнѣ народомъ счастливо, какъ только можетъ быть человекъ счастливъ на землѣ. Но Аллаху угодно было разрушить наше спокойствіе и мы, волей или неволей, должны были покориться его опредѣленію. Въ мою страну пришли Инглизы (*) и предложили свое посредничество въ управленіи, доказывая, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ это было необходимо; они предложили мнѣ подарки, и общали много, очень много хорошаго. Я отвергъ всѣ ихъ предложенія и задумалъ

(*) Англичане.

прогнать ихъ силою; но разсмотрѣвъ и сообразивъ все, увидалъ, что не стоитъ проливать крови, потому что у нихъ войска и пушки въ отличномъ порядкѣ, а мои бѣдные подданные ничто иное, какъ простая толпа, которая съ разу разбѣжится.

«Въ довершеніе горя, почти все семейство мое перемерло; гяуры—Инглизы, замѣтя, что я упалъ духомъ, самовластно начали распорядиться въ странѣ моей, и предложили мнѣ пожизненный пенсіонъ. Какъ истый правовѣрный мусульманинъ, я отвергъ христіанскій хлѣбъ, и рѣшился отправиться странствовать и молиться Богу, поучая народъ законамъ Пророка, а въ воспоминаніе о родинѣ взялъ двѣ шкурки убитыхъ мною звѣрей; онѣ для меня теперь священны, я не расстаюсь съ ними ни на минуту. Сидя на нихъ, я сижу у себя на родинѣ; на палкѣ моей болѣе трехъ сотъ ленточекъ, всѣ они означаютъ города, гдѣ я былъ; послѣдняя навязана въ Гумрахъ (*), прошлый годъ.

«Въ лагерѣ Вели-паши мнѣ отдавали должныя почести; тамъ я былъ на своемъ мѣстѣ; но вотъ теперь, по несчастію, попалъ въ руки христіанъ, и долженъ ѣсть ихъ хлѣбъ. Не знаю, какъ умолю Бога за это новое оскверненіе мое!

— А гдѣ его палка? спросили мы милиціонера.

— Тутъ въ палаткѣ лежитъ, отвѣтилъ онъ.

Взойдя въ караульную палатку, мы дѣйствительно увидели толстую палку, съ множествомъ навязанныхъ лоскутковъ и ленточекъ. Мы узнали еще, что на этомъ чудака было семь рубахъ, которыя онъ поочереды надѣваетъ ближе къ тѣлу, а потомъ разомъ швыряетъ всѣ. Изъ Керпикева, плѣннаго привезли на позицію; я замѣтилъ, что куда бы онъ ни пошелъ, всегда кладетъ шкурки и палку съ привязаннымъ къ ней узелкомъ на плечо, а въ другую руку беретъ свой кувшинъ. Главнокомандующій, при представленіи къ нему плѣннаго, довольно долго говорилъ съ нимъ, потомъ приказалъ дать ему свободу. Не прошло и часа, какъ нашъ плѣнникъ, новый вѣчный жидъ, съ своими шкурками, былъ уже снова на дорогѣ къ Арзеруму, и вѣроятно, какъ ловкій, умный человекъ, придумывалъ уже сплести какуюнибудь чудную исторію своего освобожденія изъ плѣна, которую онъ незамедлительно разскажетъ своимъ правовѣрнымъ наивнымъ слушателямъ въ лагерѣ Вели-паши; тамъ будутъ только удив-

(*). Городъ Александрополь.

ляться и восклицать: «Иншалахъ, Аллахъ! ляйль-Алла!» и окончательно будутъ ему поклоняться. Говорили, что онъ отвергъ всякую помощь, предложенную ему на дорогу, а попросилъ только пару сапоговъ.

9-го августа, получено было свѣдѣніе отъ лазутчиковъ и перебѣжчиковъ, что послѣ праздника Курбанъ-Байрамъ, то есть 12-го августа, Карскій гарнизонъ намѣренъ сдѣлать вылазку, чтобы напасть на одинъ изъ облегающихъ Карсъ отрядовъ. Частныхъ начальниковъ тотчасъ же объ этомъ увѣдомили, для принятія надлежащихъ предосторожностей. 11-го числа слухи эти подтвердились извѣстіями изъ Арзерума — но не оправдались.

Въ теченіе почти всего августа, однообразіе нашей лагерной жизни прерывалось небольшими дѣлами съ Турками, о которыхъ считаю излишнимъ распространяться, такъ какъ описанія ихъ были въ свое время помѣщены въ реляціяхъ и не соответвуютъ цѣли и объему статьи. Скажу только, что всѣ эти стычки происходили съ турецкою кавалеріею, которая тщетно силилась, вслѣдствіе недостатка фуража, вырваться изъ Карса. Бдительность блокирующихъ отрядовъ сдѣлала всѣ ихъ попытки неудачными.

22-го августа было отдано приказаніе, для удобнѣйшаго сообщенія съ вагенбургомъ, устроить дорогу въ Каныкейскій лагерь. Черезъ нѣсколько дней, эта дорога, проведенная по прямой линіи и урвненная по возможности, была не хуже любого шоссе; самая мѣстность не мало способствовала такому успѣшному окончанію работы. Въ это же время близъ деревни *Каныкей*, было найдено много торфу; для пробы его рѣзали и сушили; такъ какъ онъ оказался довольно хорошимъ, то мы въ случаѣ надобности могли бы употребить его въ дѣло съ большою пользою.

Вечеромъ 27-го числа начался сильный, холодный вѣтеръ, поднявшій толстый слой пыли надъ лагеремъ; палатки покосились на бокъ, а у нѣкоторыхъ натянутыя веревки повыврывали колья. Я успѣшилъ убрать стоявшій на небольшомъ возвышеніи телескопъ, которымъ мы наблюдали за всѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ; черезъ часъ времени вѣтеръ поутихъ, но ночь была очень холодная. На утро, проснувшись, мы увидали Саганлугскій хребетъ и всѣ окрестности горы покрытыя снѣгомъ; Каныкейскій лагерь тоже забѣлался; но въ нашемъ снѣгу не-

было, потому что мѣстность эта значительно ниже окружающихъ возвышенностей.

Въ телескопъ можно было видѣть, какъ лошади остатковъ турецкой кавалеріи, не успѣвшей выбраться изъ Карса, пзслись подѣ стѣнами укрѣпленій; но здѣсь уже все давно было по-выѣдено пасшимся скотомъ и бѣднымъ лошадямъ врядъ ли приходилось — «заморить червяка». Несмотря на то, непріятельскіе фуражиры все-таки пытаются накопить сколько нибудь травы, отходя отъ стѣнъ на разстояніе выстрѣловъ; смѣльчаки, заходящіе слишкомъ далеко, платятъ смертью или плѣномъ за свою отвагу. Наши бдительные летучіе отряды рѣдко даютъ въ этомъ случаѣ промахъ.

31-го числа, около полудня, генераль Баклановъ отбилъ изъ-подъ карсовскихъ батарей, стрѣлявшихъ въ него ядрами, 313 головъ скота.

Въ сумеркахъ, 31-го числа, мы, прогуливаясь по линейкѣ предъ палатками, замѣтили, что къ ставкѣ командовавшаго отрядомъ генераль-лейтенанта Бриммера подѣхалъ запыленный всадникъ. Черезъ нѣсколько минутъ генераль нашъ вышелъ изъ палатки съ радостнымъ лицомъ. «Поздравляю васъ съ побѣдой господа! Ура! наши подѣ Пеняками (*) разбили Турокъ и взяли въ плѣнъ генерала, командовавшаго отрядомъ. Ура! — кричите громче! Бѣгите кто нибудь къ полковнику де-Саже, пусть дастъ намъ фейерверкъ, жгетъ все, что у насъ есть хорошаго; да пусть не скупится, а запалитъ иллюминацію въ разныхъ концахъ лагеря», сказалъ онъ, торопясь къ главнокомандующему. Мы, и всѣ повыскакавшіе изъ ближайшихъ палатокъ, не заставили долго просить себя и дружно кричали нѣсколько разъ ура! Тѣ, которые не слышали словъ генерала, не замедлили съ своей стороны подхватить крикъ, возвѣщавшій радостное извѣстіе, и скоро вѣсть о побѣдѣ разнеслась далеко по лагерю. Расположенные на другомъ берегу войска, мучимыя любопытствомъ, кричали громче насъ. Въ это время стемнѣло, и чрезъ нѣсколько минутъ въ разныхъ концахъ лагеря широкими красными лентами взвились ракеты, зрѣлище рѣдкое въ лагерной жизни; музы-

---

(*) Здѣсь былъ разбитъ 30-го августа отрядъ Турокъ въ 2,500 человекъ, желавшій доставить въ Карсъ продовольствіе. Русскимъ отрядомъ начальствовалъ генераль-лейтенантъ Ковалевскій.

ка заиграла. Но все-таки еще многие не знали, въ чемъ дѣло. Тихій и теплый вечеръ разносилъ эхо далеко по полю.

— А что, господа, сказалъ одинъ изъ товарищей: — вотъ-то удивляются, я думаю, Турки, съ чего такъ раскутились Русскіе; но вѣроятно сердце каждаго изъ нихъ предчувствуетъ что-то недоброе.

— Да, это очень вѣроятно.

— Я думаю, что и музыку имъ слышно, вѣтру вовсе нѣтъ.

На другой день, то есть 1-го сентября, въ Карсъ былъ посланъ нашъ парламентаръ. Оставшіеся на непріятельскомъ пикетѣ провожатые, завели съ Турками обыкновенный позволительный въ такихъ случаяхъ разговоръ; ходившій взадъ и впередъ непріятельскій офицеръ подошелъ къ нашимъ и спросилъ:

— Вы вчера праздновали день именинъ вашего Государя, вѣроятно потому вы пускали ракеты и играла такъ поздно музыка?

— Нѣтъ, по другой, но тоже радостной причинѣ; мы разбили отрядъ Али-паши подъ Пеняками и самого взяли въ плѣнъ, отвѣчалъ нашъ милиціонеръ.

— Быть не можетъ! сказалъ офицеръ, дрогнувъ и измѣнившійся въ лицѣ. — Вы туда не ходили, да и пройти не можете по тѣмъ горамъ.

— А вотъ когда наши вернутся дня черезъ два, приѣзжайте къ намъ повидаться съ Али-пашей.

— Все-таки быть не можетъ! сказалъ опечаленный офицеръ, и отошелъ прочь.

4-го сентября, часа за два до заката солнца, мы издали завидѣли нашихъ возвращавшихся побѣдителей, въ нетерпѣніи всѣ бросились къ телескопу разсматривать Али-пашу. Къ сумеркамъ, генераль Ковалевскій подѣхалъ къ палаткѣ главнокомандующаго, который очень ласково принялъ побѣдителя и плѣннаго, и возвратилъ послѣднему саблю. Али-паша былъ чрезвычайно этому радъ; онъ говорилъ, что она ему дороже всего потеряннаго, и просилъ позволить немедленно ее пристегнуть, но самъ этого не могъ сдѣлать, потому что обѣ руки были ранены. При этомъ, Али-паша сказалъ главнокомандующему, что только Русскимъ рѣшился онъ сдаться живой, зная великодушіе и храбрость нашу, и что онъ никому другому не сдастся бы, а предпочелъ бы смерть плѣну. Плѣнника отвели въ приготовленную заранѣе суконную

палатку. Въ густыхъ сумеркахъ, любопытные могли только видѣть довольно высокаго роста мужчину въ небольшой чалмѣ.

Утромъ, кажется, 5-го сентября (не могу съ точностью припомнить), Али-пашѣ сдѣлали операцію, въ присутствіи главнокомандующаго ему отрѣзали палець, при чемъ онъ выказалъ совершенное хладнокровіе. Послѣ полудня, онъ отправился на обѣдъ къ его высокопревосходительству. Здѣсь мы его хорошо разсмотрѣли.

Али-пашѣ лѣтъ за 60; онъ стройный, высокій мужчина, съ благородной осанкой и поступью; на лицѣ его незамѣтно особой суровости, но ясно проглядываетъ надмѣнность и какая-то хвастливость, что частію обнаруживается и въ его рѣчахъ. Онъ говорилъ, что участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и всегда съ успѣхомъ. Будучи старымъ служакой, ловкимъ и умнымъ человѣкомъ, и состоя въ чинѣ мирмарана, равняющемся нашему генерал-лейтенанту, Али-паша долженъ былъ имѣть большое вліяніе въ арміи и въ народѣ, что подтверждалось уваженіемъ, которое ему оказывали жители, когда его везли уже военнопленнымъ. Потеря такого человѣка должна была произвести большое вліяніе на умы Турокъ.

Участники Пенякского сраженія рассказывали о плѣненіи его такъ: при немъ въ услуженіи находился нашъ военнопленный донской козакъ, взятый при Баязетѣ, и былъ любимѣйшимъ его слугою. Когда Русскіе, которыхъ онъ вовсе не ожидалъ, появились вблизи расположенія Турокъ и пошли уже въ атаку, плѣнный козакъ, дотолѣ скрывавшій свою радость, осѣдывая для Али-паши лошадь, худо подтянулъ подпруги. Когда турецкіе кавалеристы, сбитые дружнымъ и быстрымъ натискомъ нашихъ козаковъ, обратились въ бѣгство, Али-паша, сѣвъ на лошадь, поскакалъ въ слѣдъ за бѣгущими кавалеристами. На пути встрѣтилась канава и онъ хотѣлъ перепрыгнуть черезъ нее; но сѣдло свернулось на сторону — всадникъ упалъ. Али-паша, поднявшись на ноги, защищался храбро, при чемъ былъ раненъ въ обѣ руки.

Въ этотъ же день утромъ, послѣ литургіи, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ Господу Богу за дарованную побѣду, и при словахъ: «Тебѣ Бога хвалимъ», началась пальба изъ отбитыхъ у непріятеля, при Пенякѣ, 4-хъ орудій, которыя были поставлены на площадкѣ, подлѣ палатки главнокомандующаго, гдѣ также развѣвались турецкія знамена отряда Али-паши. Грустно

отзывались въ душѣ послѣдняго эти выстрѣлы, да и въ Карсѣ они не менѣе печально принимались огорченными Турками.

Затѣмъ у церкви, окруженной парадирующими войсками, главнокомандующій раздавалъ въ каждую часть войскъ маленькія иконы Ростовскихъ чудотворцевъ, присланныя ростовскимъ купцомъ Рахмановымъ, при письмѣ къ его высокопревосходительству.

По прочтеніи письма вслухъ, главнокомандующій спросилъ: нѣтъ ли въ строю Ярославцевъ; вышли двое рядовыхъ, которые лично знали благочестиваго жертвователя.

Али-паша нѣсколько разъ разсматривалъ въ телескопъ Карсъ. Дней черезъ семь, когда онъ совершенно оправился, его повезли въ Тифлисъ.

4-го сентября, милиціонеры наши, разъѣзжая около Карса, подмѣтили у рѣки солдата-рыболова. Отдавшись вполнѣ своему занятію, онъ, вѣроятно, мечталъ о предстоящемъ вкусномъ обѣдѣ, но наши стремительно бросились на него и привели въ лагерь босаго. Это былъ молодой человѣкъ, атлетическаго сложенія, съ чрезвычайно глупымъ выраженіемъ лица и съ такими огромными ногами, что во всемъ лагерѣ не нашли сапогъ на его ногу, и принуждены были шить новые. При допросѣ обнаружилось, что онъ мелядзимъ,—это первый офицерскій чинъ, соотвѣтствующій нашему прапорщику. Многіе ходили смотрѣть эту оригинальную личность.

Среди всѣхъ сказанныхъ происшествій, хотя и однообразная, но все-таки, по возможности, веселая жизнь наша была нѣсколько встревожена появившимися признаками холеры.

Первые признаки ея обнаружались 7-го сентября, вслѣдствіе чего немедленно приняты самыя дѣятельныя мѣры. Войскамъ приказано носить набрюшники, воспрещено ловить рыбу и купаться, а маркитантамъ имѣть въ продажѣ рыбу и фрукты; ученья были прекращены, а вмѣсто ихъ солдаты устроивали разныя игры; монотонная жизнь превратилась въ самую веселую. Винная порція увеличена: вмѣсто трехъ чарокъ, положенныхъ прежде въ недѣлю на человѣка, отпускали по пяти. Солдаты обѣдали въ 9-мъ часу утра, а въ пятомъ, передъ ужиномъ, пили водку съ тинктурой доктора Иноземцева. Холера хотя и продолжалась до первыхъ чиселъ ноября, но, вѣроятно, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, заболѣвало очень мало, а смертные случаи были чрезвычайно рѣдки; такъ что недѣли черезъ двѣ послѣ появленія

болѣзни, начали забывать о ней. Впослѣдствіи мы узнали, что холера одновременно появилась и въ Карсѣ.

Приказомъ 10-го сентября прекращены были фуражировки, и съ этого дня лошади кормились сѣномъ. Заготовленное казенное сѣно стояло въ Каныкеѣ; въ главномъ лагерѣ, всѣ, кому была малѣйшая возможность, приобрѣли небольшіе запасы.

11-го числа, часовъ въ девять утра, мы сидѣли въ палаткахъ за служебными занятіями, какъ вдругъ слышимъ пушечные выстрѣлы. Они раздаются изъ Карской цитадели, слѣдовательно, это должна быть салютація по какому нибудь радостному событію. Много было толковъ; но никто не могъ разъяснить дѣла, только впослѣдствіи догадались, что Турки, вѣроятно, стрѣляли по случаю занятія Французами Корниловскаго бастиона, потому что, чрезъ два дня, почта наша привезла извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи; къ Туркамъ, вѣроятно, прокрался съ этою вѣстью гонецъ изъ Арзерума.

Но вскорѣ салютація непріятеля была прервана дѣйствительными боевыми выстрѣлами съ Карадахскихъ батарей. Эта канонада возгорѣлась вслѣдствіе того, что генераль Баклановъ напалъ на слишкомъ выдавшихся впередъ турецкихъ фуражировъ, думавшихъ покосить сѣно внѣ предѣловъ своихъ выстрѣловъ. Намѣреніе это было весьма понятно. Вблизи укрѣпленій травы уже болѣе не было, надо было попытаться покосить ее подалше отъ стѣнъ. Эта вылазка дорого обошлась Туркамъ. Одновременно съ генераломъ Баклановымъ, подполковникъ Петровъ, вышедшій изъ главнаго лагеря съ козаками и милиціонерами, изрядно поколотилъ Турокъ; но предъ вечеромъ, они, отдѣлавшись отъ нашихъ летучихъ отрядовъ, начали опять свою салютацію съ цитадели.

14-го сентября, отъ генерала Бакланова получено свѣдѣніе о намѣреніи непріятеля прорваться изъ Карса, почему отдано было приказаніе людямъ высыпаться днемъ.

Около полудня 16-го сентября, мы узнали, что на слѣдующій день будетъ штурмъ карскихъ укрѣпленій; но вообще изъ штабныхъ немногимъ это было извѣстно; въ войскахъ же ничего и не подозрѣвали. Утромъ, я, съ товарищемъ мнимъ, получилъ приглашеніе отъ знакомаго намъ офицера Тульскаго полка побывать у него. Не зная положительно, въ какое время послѣдуетъ

приказаніе выступать, я отправился въ гости съ полнымъ намѣреніемъ хранить тайну.

— Ну, что повенъкаго? былъ общій вопросъ.

— Ничего, господа!

— Кому же и знать, какъ не вамъ, штабнымъ, сказалъ одинъ, мало знакомый мнѣ офицеръ: — впрочемъ, вы всѣ постоянно отзываетесь незнайкой, а между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, пять распоряженій впередъ вамъ извѣстны.

— Тѣмъ болѣе чести для насъ, если не даемъ воли языку. Притомъ, много ли можетъ знать поручикъ, когда подчасъ и полковники не все знаютъ.

— Да, толкуйте!...

— Перестань! вскрикнулъ хозяинъ палатки.

— Вотъ, господа, я хочу прочесть вамъ мою статью и предвараю, что всякое замѣчаніе, касающееся....

— На три дня сухарей и черезъ четверть часа выступать безъ ранцевъ! сказалъ торопливо, всунувъ голову въ палатку, дежурный по баталіону, и исчезъ.

Всѣ вскочили съ мѣстъ.

— А, значить, идемъ на штурмъ! сказали двое, какъ бы по предчувствію, и недовѣрчиво посмотрѣли на меня.

— Очень можетъ быть, подхватилъ третій, и всѣ бросились епрометью изъ палатки собираться къ выступленію; я тоже взялся за шапку.

— Послушайте, сказалъ хозяинъ палатки, удерживая меня за руку: — какое-то странное предчувствіе говоритъ мнѣ, что я не вернусь со штурма; я это чувствую—отслужите по мнѣ панихиду и помните, что я васъ искренно любилъ, хотя мы еще недавно знакомы. Прощайте, повторилъ онъ, не забудьте моей просьбы.

— Прощайте, сказалъ я: — успокойтесь, предчувствіе часто обманываетъ насъ, Богъ дастъ, свидимся!

Я выскочилъ изъ палатки, малознакомый мнѣ офицеръ ждалъ у выхода.

— Куда мы идемъ, скажите ради Бога? спросилъ онъ, почти умоляющимъ голосомъ, стараясь въ темнотѣ загородить мнѣ дорогу.

— Я уже сказалъ вамъ, что ничего не знаю.

— Да скажите же! настойчиво повторилъ онъ.

— За дровами, сказалъ я ему на ухо, и въ туже минуту, пользуясь темнотою, скрылся отъ докучливаго.

Подходя къ рѣкѣ, я увидалъ массы войскъ, спускавшіяся къ мосту и поторопился перейти его. Придя домой, засталъ всѣхъ уже на ногахъ; мой бивуачный сотоварищъ искалъ меня. Козаки сѣдлали нашихъ лошадей; оставаясь при резервѣ, мы должны были ожидать приказаній.

Всю ночь мы провели безъ сна, въ ожиданіи начала приступа; луна ярко освѣщала всю долину и видно было, какъ войска черными массами подвигались къ стѣнамъ крѣпости. Тутъ мнѣ пришло на мысль прощаніе съ добрымъ знакомымъ, съ которымъ, хотя очень недавно, весьма близко сошелся; мнѣ стало жаль его, по какому-то безотчетному страху, я вѣрилъ, что его предчувствіе сбудется, и желалъ ему того, что въ такихъ случаяхъ желаютъ обыкновенно всякому, — умереть мгновенною смертію, безъ мученій. Потомъ я узналъ, что предчувствіе моего знакомаго оправдалось, — онъ умеръ, поддѣтый на три штыка, когда взбѣжалъ на валъ.

Ну, какъ же послѣ этого не быть хоть немножко фаталистомъ? Убить и докучливый, малознакомый мнѣ офицеръ. Теперь я какъ-то стыжусь моей скрытности. Отчего было, кажется, за нѣсколько минутъ до штурма, не сказать ему истины; я не понималъ, что онъ спрашивалъ ужъ не изъ простаго любопытства, а, по всѣмъ вѣроятіямъ, смутное предчувствіе близкой смерти вызывало его на вопросы.

Около полуночи выѣхалъ главнокомандующій со своей свитой и расположился на горѣ, въ пяти верстахъ отъ укрѣпленій.

Различныя думы волновали всѣхъ; разговоръ какъ-то не клеился и мы, то сидя въ палаткахъ, то выходя изъ нихъ, прислушивались къ малѣйшему шороху въ полѣ, но все было тихо, какъ въ могилѣ. Казалось, ангелъ смерти отмѣчалъ въ это время жертвы свои.

По расчету времени, войска должны быть на мѣстѣ, и отдыхали въ ожиданіи предстоявшаго боя. Но вотъ на востокъ показалась бѣлая полоса свѣта, и едва едва можно было различать предметы, какъ вдругъ грянулъ выстрѣлъ и эхо раздалось далеко, какъ бы давая знать о предстоящемъ страшномъ боѣ.

Мы невольно вздрогнули; вслѣдъ за тѣмъ раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ. На Шарахскихъ укрѣпленіяхъ во многихъ

мѣстахъ сверкнулъ огонекъ, сопровождаемый какъ бы раскатомъ грома,—и бой закипѣлъ.

— А что, господа, какъ вы думаете, гдѣ мы проведемъ слѣдующую ночь, здѣсь, или въ Карсъ? спросилъ я.

— Кажется, здѣсь; согласись самъ, можно ли вполнѣ быть убѣжденнымъ въ побѣдѣ?... Какъ Русскій, я тысячу разъ скажу: «помоги Господи!» но размотри самъ, слыханное ли дѣло, идти на штурмъ съ однимъ штыкомъ; а у нашихъ нѣтъ ни фашингъ, ни лѣстницъ, какъ же переходить рвы; положимъ, они не глубоки, но за то валы могутъ быть отвѣсныя, отвѣчалъ товарищъ.

— Но можетъ быть о состояніи рововъ и насыпей мы имѣемъ подробныя извѣстія. Притомъ, нельзя же было дѣлать лѣстницы и вязать фашины; тогда Турки поняли бы, что мы собираемся на штурмъ.

— Какъ ты страненъ! Турки съ часу на часъ должны были ожидать штурма, вѣдь для чего же мы пришли, надѣюсь, не рыбу ловить въ Карсъ-чаѣ. Все нужно бы готовить исподоволь, пусть бы себѣ готовое лежало, а теперь, главная надежда на Бога, да на нашихъ храбрыхъ солдатъ. Дай Богъ успѣха!...

— Посмотри-ко, какая чудная картина! прервалъ кто-то разговаривавшихъ.

Дѣйствительно, хотя въ то время еще не совсѣмъ разсвѣло, но сраженіе было уже въ полномъ разгарѣ. Безпрерывная линія огня извивалась широкой полосой, какъ бы вьющаяся длинная змѣя; Шарахскія высоты горѣли, грохотъ выстрѣловъ не умолкалъ и былъ такъ непрерывенъ, какъ безкопечная дробь барабана, а болѣе рѣдкіе выстрѣлы орудій били какъ бы тактъ въ этой адской музыкѣ, подъ которую выплясывала одна только смерть, едва успѣвая прибрать свою обильную жатву.

— А замѣтилъ ли ты, что войска выступили не такъ, какъ слѣдуетъ идти на сраженіе, безъ молебна, безъ всего...

— Ужь у тебя такая патура, ты во всемъ ищешь чего-то не добраго; не прикажешь ли пропѣть его соборно, съ барабаннымъ боемъ, за немѣнѣемъ колоколовъ, чтобы Турки успѣли узнать.

— Не знаю почему, но мнѣ что-то думается, что Турки были приготовлены къ штурму, имъ вѣрно дали знать, смотри, какой огонь изъ крѣпости. Пожалуй, пусть по твоему; молебна не нужно, но все таки не мѣшало бы, хотя иконы пронести по рядамъ; для насъ, Русскихъ, прежде всего Богъ и молитва, тогда и смерть мы встрѣчаемъ веселѣе, да какъ-то и отваги больше.

— Ну, такъ молись же ты теперь за успѣхъ нашего оружія, да пожалуйста молчи; не такія минуты, чтобы толковать, какъ ты толкуешь.

— Пожалуй, пусть будетъ по твоему; но ручаюсь головой, что ты не замѣтилъ самого главнѣйшаго: когда артиллерія спускалась къ мосту, у ней не было съ собою парка.

— Какъ не было парка? Что ты! Не разглядѣлъ въ темнотѣ.

— Да, не было, я слѣдиль.

— Но мы, братъ, съ тобой, плохіе знатоки военнаго искусства; наше дѣло снять маршрутъ, да планъ, а тамъ ужь позаботятся безъ насъ; вѣдь не съ однимъ же зарядомъ пошла артиллерія въ бой.

— Конечно не съ однимъ, а со столькими, сколько полагается при каждомъ орудіи.

— Ну, да, ладно, будемъ смотрѣть и надѣяться; уже совсѣмъ свѣтло; прикажи ставить чайникъ, а когда онъ будетъ готовъ, то пусть принесутъ на вышку; теперь же пойдемъ туда и будемъ смотрѣть въ телескопъ, что-то Богъ дастъ...

Солнце начинало уже всходить, линія огней поблѣднѣла, но грохотъ ни на секунду не умолкалъ.

Взглянувши въ телескопъ, мы были поражены ужасною картиною, дрожь пробѣжала по всему тѣлу и какое-то новое, никогда еще не испытанное чувство овладѣло душой. Вотъ солдаты рядами взбѣгаютъ на валъ и черезъ секунду многіе падаютъ; одни назадъ, другіе по ту сторону вала... Появились четыре всадника, одинъ пріостановился, но тутъ же упалъ съ лошади. Внизу солдаты копошатся, какъ муравьи, многіе лежатъ въ различныхъ положеніяхъ—мертвые и тяжело раненые. Турецкій артиллеристъ, стоя на лафетѣ, отчаянно отмахивается банникомъ, но черезъ минуту падаетъ. Скачетъ еще всадникъ: вотъ онъ остановился, закрутился и падаетъ вмѣстѣ съ конемъ... Правѣ цѣлый баталіонъ взошелъ въ ворота укрѣпленія и стремительно бросился впередъ; козакі въѣхали вслѣдъ за ними и небольшими кучками рассыпались въ разныя стороны; свѣжіе баталіоны слѣзать наверхъ помогать товарищамъ. Тутъ огромная толпа Турокъ поднялась, повернулась и побѣжала, а солдаты бросились преслѣдовать ихъ, и вся масса людей скрылась за горой...

Посмотрѣли на валъ. Тамъ идетъ жаркая ручная схватка, поверхъ головъ блестятъ штыки, да изрѣдка на мгновеніе пока-

зываются приклады взмахнутыхъ ружей; наши лѣзутъ на проломъ—львы!... Турки держатся.

Но вотъ массы людей на валахъ рѣдѣютъ; бой перенесся внутрь укрѣпленій, сверху спускается длинная, а по временамъ довольно густая вереница раненыхъ по направленію къ башнѣ Кюмбетъ, гдѣ работаетъ уже ножъ хирурга. Нѣкоторые раненые едва идутъ, опираясь на ружья, другіе почти сбѣгутъ отъ боли, и всѣ стремятся къ перевязочному пункту, хватаясь за послѣднюю надежду для спасенія жизни...

Уже девятый часъ, получено извѣстіе, что генераль Ковалевскій тяжело раненъ. Не много погодя, другой вѣстникъ сообщалъ, что генераль князь Гагаринъ такъ же раненъ; третій, насчиталъ человекъ семь штабъ-офицеровъ, выбывшихъ изъ строя. Раненые солдаты, и уже перевязанные, иные бинтами по головѣ, другіе съ растегнутыми мундирами, подъ которыми видна рзодранная рубаха и широкіе бинты, плетутся едва переступая. Запекшаяся кровь на лицахъ, мундирахъ и рукахъ, наводитъ какой то ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ состраданіе и уваженіе къ храбрымъ солдатамъ; всѣ они просятъ пить, имъ подаютъ, кто воды, кто вина.

Утро прекрасное; на небѣ ни облачка и солнце ярко освѣщаетъ картину страшнаго побоища, какъ то особенно тяжело на душѣ.

— Ишь ты, проклятая нехристь, какъ проливаетъ кровь—то христіанскую, сказалъ одинъ солдатъ изъ числа оставшихся въ лагерѣ на часахъ, глядя, какъ плетутся нога за ногу два раненые, поддерживая другъ друга.

— Да, хорошо, братъ, намъ съ тобой толковать, когда мы здѣсь стоимъ цѣлыми! вѣхъ, кабы туда! вотъ потѣшился бы.

— Всяко бываетъ; сраженіе, братъ, дѣло святое, тамъ тѣшиться нельзя, а надо просто бить...

— Да, вѣдь и билъ бы, а тѣшился бы послѣ; это ужъ такъ говорится. Вотъ кабы можно было, то, ей Богу, улизнулъ бы туда!

— Полно такъ ли! сказалъ первый солдатъ, лукаво подмигнувъ глазомъ: — небось радъ радехонекъ, что здѣсь; тамъ—то, братъ, невкусно.

— Послушай, не задѣвай! Самъ сказалъ, что сраженіе дѣло святое, а ругаешься; хорошо, что у тебя есть Егорій, и мнѣ хочется, а тамъ навѣрняка бы крестъ досталъ.

— Оно, конечно; но даютъ то вѣдь съ разборомъ, не всякому.

— Ну, чтожъ! поработалъ бы на разборъ, такъ и дали бы!

— А! вонъ и заряды везутъ; знать не хватило, всѣ разстрѣляли.

И дѣйствительно, часть парка съ зарядными ящиками спу-
скалась къ мосту небольшой рысью.

— Посмотри-ко, вотъ ужъ на телегахъ стали возить ране-
ныхъ.

То было тяжело-раненные офицеры.

Въ одной изъ проѣзжавшихъ телегъ, двое знакомыхъ, зави-
дѣвъ насъ, остановились; мы поспѣшили къ нимъ.

— Поздравляемъ васъ съ перевязками, господа; это ленточки
для орденовъ съ мечами.

— Благодаримъ за будущее, а теперь ради Бога воды съ ви-
номъ, жажда страшно мучить.

— Да, хорошо ли это будетъ, можетъ быть вредно, мы не
знаемъ.

— Ничего! только дайте скорѣе.

Мы принесли требуемаго питья, но опасаясь дурныхъ по-
слѣдствій, давали его не въ большомъ количествѣ.

— А каково тамъ идетъ дѣло?

— Пока прекрасно, только можетъ испортиться, подкрѣ-
пленій даютъ мало; гдѣ мы были, шло превосходно, но насъ не
много отодвинули, а съ батареей бьютъ немилосердно; если бы
баталіона три свѣжихъ, то мы повернули бы орудія; впрочемъ,
идеть хорошо, къ вечеру покончатъ!

— Слава Богу, слава Богу! значить, мы ночуемъ въ Карсѣ.

Раненыхъ повезли дальше. Вслѣдъ за ними проѣхало еще
нѣсколько телегъ, а пустые торопились за новыми ранеными.

Немного спустя, четыре вьючныя лошади привезли подби-
тыя орудія, тѣ самыя, которыя взяты при Пенякахъ.

Проходящіе раненые сказали, что генералы Майдель и Бро-
невскій тоже выбыли изъ фронта и что ихъ везутъ уже въ ла-
герь.

Вѣсти о убитыхъ и раненыхъ штабъ и оберъ-офицерахъ по-
лучались каждые четверть часа. Грустно принимались эти вѣ-
сти. Четыре гренадера, на носилкахъ, принесли своего баталіон-
наго командира, который, по временамъ, приподымалъ голову и
водя по сторонамъ мутными глазами, казалось, искалъ чего-то.
Затѣмъ пронесли еще нѣсколько носилокъ.

Одиннадцать часовъ утра. День превосходный, жарко, но на высотахъ шарохскихъ и чахмахскихъ было еще жарче. На первыхъ, всѣ батареи уже замолкли, кромѣ одной; видно было, что она наносила вредъ нашимъ. Въ телескопъ мы смотрѣли почти ежеминутно. «Скоро ли наши возьмутъ батарею и повернутъ ее на Турокъ?» думали мы. Но ожиданія были напрасны, видѣлись только красноголовые, дѣятельно работавшіе около орудій.

Неоднократно повторявшіяся увѣренія раненыхъ въ успѣшномъ дѣйствіи нашихъ войскъ, вселили въ насъ несомнѣнное убѣжденіе въ побѣдѣ; но вдругъ на шарохскихъ высотахъ стали показываться большія массы народа, увеличивавшіяся чуть ли не каждую секунду, такъ, что въ скоромъ времени вся линия укрѣпленій была покрыта сплошною массою сражавшихся. Въ трубу можно было разсмотрѣть, что большая часть этой массы были Турки, повидимому, стянутые сюда со всѣхъ сторонъ.. Приказано было отступить.

Въ телескопъ мы ясно видѣли, какъ началось отступленіе; войска наши, быстро спускаясь подъ гору, не теряли строя и отстрѣливались. Обрадованные Турки пустились было преслѣдовать чуть не по пятамъ, но встрѣченные дружными выстрѣлами, бросились назадъ. Нѣсколько башни-бузуковъ тоже выскакали на своихъ тощихъ лошаденкахъ съ самыми ухорскими ухватками, еще издали размахивая шашками по воздуху. Было какъ-то смѣшно глядѣть на нихъ въ телескопъ. Нѣсколько челоуѣкъ нашими пулями были сняты съ коней, остальные, во всю возможную для нихъ прыть, поскакали обратно въ укрѣпленіе, перегоняя другъ друга, какъ будто дѣло шло о выигрывшѣ приза.

Хотя наши отступали стройно, на сколько позволяла изрытая мѣстность и обстоятельства, по все таки грустно было глядѣть на это отступленіе, сердце какъ-то тоскливо заняло, горькое разочарованіе несбывшейся надежды неволью вырывало слезы, какъ-то невѣрилось глазамъ своимъ; но, къ сожалѣнію, горькая истина обнаруживалась съ каждой минутой яснѣе и яснѣе, выстрѣлы съ батареей становились рѣже и рѣже и наконецъ вовсе замолкли; наши спустились на равнину и все стихло.

Турки же, на Шарохѣ, начали становить опрокинутыя палатки, иные сидѣли, другіе расхаживали по валу, и скоро всѣ

укрѣпленія приняли прежній видъ; внѣ и внутри ихъ лежали трупы и умирающіе обѣихъ сторонъ.

— Вотъ тебѣ и 17-е сентября, день Вѣры, Любви и Надежды; плохо сбылась надежда наша, сказалъ товарищъ: — мы ночуемъ здѣсь и много ночей еще проведемъ въ палаткахъ, а не въ Карсѣ.

— Погоди пророчить, скоро настанетъ время и мы будемъ хозяева въ Карсѣ. Чтожь дѣлать, штурмъ не удался, но за то мы ихъ выморимъ изъ крѣпости голодомъ и холодомъ.

— Это такъ, по сегодня?

— Отступили, правда, съ потерей, ну да и они вѣдь не съ прибылью!

— Вотъ тутъ-то и неправда: они въ большой прибыли. Убыль людей даетъ возможность дольше держаться съ малымъ запасомъ провіанта; притомъ, у нашихъ, оставшихся тамъ, они обобрали трехдневную дачу сухарей и, натурально, раздѣлилъ всѣхъ до гола, чтобы прикрыть свои лохмотья.

Былъ уже первый часъ дня, усталыя войска медленнымъ шагомъ ворочались съ поля сраженія; остальные раненые плелись нога за ногу, другихъ везли на повозкахъ и все стремилось въ лагерь на отдыхъ послѣ кровавой битвы; многіе несли по два ружья.

Пріѣхалъ и главнокомандующій со своей свитой. Многіе прямо залегли въ постель, но отдыхъ былъ непродолжителенъ. Никому не спалось послѣ боя. Изъ проходящихъ на свои мѣста войскъ, многіе изъ знакомыхъ зашли къ намъ; но все молчало отъ усталости и душевнаго волненія.

Черезъ нѣсколько времени, гренадеры привезли одно орудіе и четырнадцать окровавленныхъ знаменъ и поставили у палатки главнокомандующаго. Всѣхъ орудій, взятыхъ съ боя въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ, было шестнадцать; многія изъ нихъ сброшены съ кручи въ рѣку, другія заклепаны.

Войска наши возвратились съ трофеями, которые достались имъ очень дорого; впрочемъ, къ чему это новое доказательство неустрашимости и храбрости войскъ нашихъ!..

Войска главнаго и всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, окружавшихъ Карсъ, заняли свои прежнія позиціи; блокада была восстановлена. Вечеромъ, когда всѣ поуспокоились и отдохнули, я съ бивуачнымъ сожителемъ моимъ сидѣлъ въ палаткѣ за чаемъ.

Вдругъ изъ-за холста показались двѣ руки, а за ними и растрепанная голова нашего добраго, уважаемаго знакома М.

— А! ты цѣлъ! сказалъ я:—жаль.

— Благодарю за любезность. Вѣдь моей бѣдѣ ты первый расплакался бы какъ ребенокъ; къ смерти былъ близко. Вотъ, посмотри-ко, какія красивыя дырки, сказалъ М., снимая фуражку и бросая на столъ.

— Ба! двѣ пули проскочили! Ну, будь немного ниже, прическа бы слетѣла вмѣстѣ съ черепомъ, добрый нашъ, любезный нашъ М.

— Вотъ то-то и есть, теперь только ты опомнися, давай же за это папироску.

— Изволь, любезный М., самую лучшую, собственной фабрикаціи...

— Что? Про какія фабрики вы толкуете? сказалъ звонкимъ теноромъ вошедшій А.

— Представьте себѣ, какъ нашего П. А. ловко отдѣляли Турки; всадили двѣ пули въ грудь; одна пролетѣла, а другая застряла; страшно мучится, бѣдняга; говорятъ, нѣтъ надежды!

— Какъ! неужели! Вѣдь онъ былъ въ резервѣ, сказалъ мой товарищъ.

— Да, но его баталіонъ двинули впередъ; бѣдняга не успѣлъ подойти къ валу, какъ упалъ; проклятые штуцерные ловко бьютъ, сказалъ Л.

— Ну, а ты? спросилъ я.

— Ничего, раненъ только сюртукъ; вотъ видишь, дыра отъ картечи на самомъ концѣ полы, надо будетъ заплатку.

— Нѣтъ, я свою фуражку сохраню на память, а при оказіи отправлю домой къ отцу.

— Ну, съ фуражкой можно такъ поступить, она вѣдь у тебя съ прапорщичьяго чина; пора бы новую.

— Теперь ужъ по неволѣ сошьеть, если не успѣлъ спустить послѣднія деньжонки, возразилъ мой товарищъ.

— Они у него бываютъ только три дня въ году, четыре никогда! замѣтилъ Л.

— Какъ же вы кричите, господа! Еслибы не твой голосъ Л., то я не зашелъ бы сюда. Вы забываете, что у штабныхъ надо разговаривать въ полголоса, здѣсь начальство на каждомъ шагу, сказалъ вошедшій К.

— Шумѣть не будемъ. А вотъ что, господа: вы всѣ были въ сегодняшнемъ бою. Разскажите—ко лучше, что каждый изъ васъ дѣлалъ и видѣлъ, заговорилъ мой бивуачный собратъ.

— Что тутъ говорить! дурно, и какъ еще дурно! изъ нашего баталіона вернулся чуть ли не одинъ только взводъ! Подкрѣпленія и подкрѣпленія! Эхъ, еслибы свѣжихъ хоть бы два баталіона! сказалъ К.

— А видѣлъ ли ты, какъ наши врывались въ палатки и кололи неуспѣвшихъ выйти Турокъ?

— Да, господа, я видѣлъ это. Но видѣлъ еще и то, какъ многіе наши ложились у палатокъ, прострѣленные пулями, возразилъ К.

— Вотъ то-то и есть, еслибы у нашихъ солдатъ не было страстишки пошарить, многіе бы остались живы; а все избаловали дѣла съ горами.

— Въ дѣлѣ, солдаты наши львы; любо поглядѣть, какъ они ухорски работаютъ штыкомъ и прикладомъ; но нечего грѣхъ таить, собственно Кавказцы не охотники до правильнаго боя, любить бить непріятели на просторѣ, а порой лукавый и соблазнить заглянуть въ палатку, нѣтъ ли чего брошеннаго;—понятное дѣло! Но дрались молодецки, и сдѣлали едвали не болѣе, чѣмъ могли; были чудеса храбрости; а Майдель! а Ганецкій! какъ они были хороши!

— Благородный Майдель при первой ранѣ и вниманія не обратилъ; только при второй: потерялъ силы. Вотъ еслибы онъ до конца сраженія былъ съ нами, сказалъ К.

— Бѣдный генералъ Ковалевскій. Говорятъ тяжело раненъ въ животъ; ему, старику, пожалуй, и не перенести раны, — достойнѣйшій генералъ.

— Но каковъ Ганецкій, господа! такъ бы и распаловалъ его, когда онъ, осыпавшій картечью, стоялъ впереди баталіона, и кричалъ: «пойдемте, ребята! не давайте Туркамъ времени заряжать»... Замѣтилъ ли ты, какъ дружно баталіонъ бросился впередъ; вотъ что значитъ храбрый и любимый начальникъ!

— Да! да! положи руку на сердце, можно смѣло предъ цѣлымъ свѣтомъ сказать что сегодня трудно отдать кому либо преимущество. И начальники и солдаты сущіе львы,—какъ выразился неустрашимый генералъ Броневскій; ему, бѣдному, уже вылушили руку.

— Нашему хирургу въ эти дни хорошая практика, сказалъ одинъ изъ офицеровъ:—человѣкъ онъ очень добросовѣстный, и пріобрѣлъ уже славу знаніемъ дѣла.

— Замѣтили ли вы, господа, какъ прекрасно дѣйствовала ихъ артиллерія, и съ какимъ знаніемъ дѣла устроены всѣ батареи ихъ; куда ни сунься, перекрестный огонь, сказалъ К.

— Да вѣдь учителя-то ихъ народъ разумный — дивиться нечему.

Заговорили о солдатахъ.

— Великихъ, личныхъ подвиговъ было много, сказалъ М. Вотъ чему я былъ свидѣтелемъ: двое гренадеръ несли раненаго товарища, который, остановивъ ихъ, сказалъ: «братцы! положите меня здѣсь, все равно гдѣ умирать; снимите у меня съ шеи обрзокъ и Георгіевскій крестъ, отдайте ихъ баталіонному командиру, попросите его отъ меня, чтобы отправилъ ихъ женѣ моей; а сами, братцы, ступайте назадъ — въ дѣло, ваше мѣсто тамъ, вы, благодаря Бога, не ранены, идите бить Турокъ, прощайте же: я помолюсь за васъ, пока еще могу!»

Мнѣ довелось такъ же видѣть, какъ молодой прапорщикъ, раненый въ руку, упалъ, но тотчасъ же очнувшись, вскочилъ на ноги и шелъ впередъ, а унтеръ-офицеръ на ходу перевязывалъ ему руку платкомъ. Видно было, какъ раненый стиснулъ зубы отъ боли, но молчалъ.

Грустная бесѣда офицеровъ, омрачаемая свѣжими воспоминаніями кровавыхъ подробностей роковаго дня, продолжалась долго.

Попуривъ голову, разошлись по угламъ, но сонъ не смыкалъ глазъ.

И долго въ лагерѣ осаждающаго корпуса оставался памятенъ день штурма. Нѣсколько дней сряду, въ различныхъ оконечностяхъ бивуака, раздавались звуки похоронной музыки.

Отъ тяжелой раны умеръ храбрый генералъ Ковалевскій— побѣдитель при Пенякахъ. Онъ не дожидъ двухъ дней до Высочайшей награды, присланной ему съ курьеромъ.

Непріятель на нѣсколько дней видимо ободрился. Почти съ недѣлю не было перебѣжчиковъ, но потомъ побѣги возобновились по старому. Одинъ турецкій солдатъ рассказывалъ, что начальники увѣряютъ ихъ, будто Русскіе, не имѣя чѣмъ кормить перебѣгающихъ, вѣшаютъ ихъ, и что только изъ этой боязни

многіе колеблются оставить крѣпость, иначе всѣ бѣжали бы по одиначкѣ.

Нѣсколько дней послѣ штурма, въ лагерѣ было какъ-то особенно невесело; глаза всѣхъ часто обращались къ Шарохскимъ высотамъ, тяжкій вздохъ вырывался изъ груди, а у много непрощенная слеза выкатывалась на усь; да и какъ не погрузить о погибшихъ товарищахъ. Извѣстно, что военная служба, въ особенности боевая походная жизнь, сближаютъ людей, поселяя между ними искреннюю дружбу; старые товарищи-служаки такъ сильно привязываются другъ къ другу и такъ свято хранить священный завѣтъ дружбы, какъ это не часто встрѣчается (да не покажутся мои слова слишкомъ преувеличенными), даже между родными братьями,

Тѣмъ, кто видѣлъ въ телескопъ, какъ Турки хоронили нашихъ, было особенно грустно. Многіе воздерживались даже передавать то, что видѣли. Картина была такъ печальна, что при всемъ, свойственномъ человѣку, любопытствѣ, многіе послѣ одного взгляда, брошеннаго на нее черезъ телескопъ, отворачивались и отходили.

Вотъ какъ все происходило: всѣ тѣла были наги, Турки клали ихъ рядами, но какъ? — загляните въ телескопъ: вотъ идетъ Турокъ съ веревкою; подойдя къ нагому трупу, онъ сначала ударитъ его ногой по головѣ, потомъ, накинувъ петлю на ногу, быстро волочитъ его по землѣ. Тѣло храбраго воина задѣваетъ за всѣ неровности земли и бьется головой о камни. Новотъ изувѣръ подходит къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ уже расположенныя въ рядъ тѣла, скидываетъ съ плеча веревку и ловкимъ взмахомъ обѣихъ рукъ повертываетъ тѣло, которое, сдѣлавъ въ воздухѣ своего рода пируэтъ, ложится рядомъ съ товарищемъ...

Положивъ такимъ образомъ всѣхъ убитыхъ въ нѣсколько рядовъ, ихъ засыпаютъ землей и камнями, и похоронамъ конецъ.

У насъ въ лагерѣ, нѣсколько дней сряду, въ разныхъ частяхъ войскъ продавались съ аукціона оставшіяся вещи убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Каждая продажа извѣщалась наканунѣ въ вечернемъ приказаніи по отряду, вырученныя же деньги отсылались осиротѣвшимъ семействамъ.

Всѣхъ раненыхъ изъ Канькейскаго госпиталя перевезли въ Александрополь, и размѣстили по квартирамъ.

Черезъ мѣсяць многіе изъ нихъ были опять въ строю.

Мало по малу все начало принимать прежній видъ; солдаты опять играли въ городки и кошку—мышку.

Къ обыкновеннымъ этимъ увеселеніямъ присоединилось скоро другое: Тульцы и Ряжцы, стоявшіе предъ походомъ въ Москвѣ, вздумали, въ подражаніе столицѣ, дать театральное и акробатическое представленія, понадѣлали (какъ и изъ чего—не извѣстно) костюмы, достали женское платье и башмаки, выписанные, вѣроятно, изъ Александрополя, замаскировались и разучивъ роли представили, въ присутствіи главнокомандующаго и многочисленнаго собранія, извѣстную солдатскую піесу: «Подвиги атамана Ивашки и плѣненіе дѣвицы.»

Тульцы исполнили прекрасно разныя акробатическія штуки, зрители остались весьма довольны, актеры же, вѣроятно, довольнѣе зрителей, потому что главнокомандующій далъ имъ нѣсколько золотыхъ. Многіе изъ генераловъ, считая съ своей стороны также необходимымъ поощрить такого рода препровожденіе времени, всегда имѣющее полезное вліяніе на духъ войскъ, также одарили актеровъ, и хотя продажи билетовъ не было, но сборъ все-таки былъ весьма достаточный.

Среди этихъ забавъ, о холерѣ почти совсѣмъ забыли, потому что про заболѣвшихъ очень рѣдко было слышно, и время въ лагерѣ вообще проводилось весьма весело; утромъ до полудня занимались службой, потомъ обѣдали и отдыхали; а съ четырехъ часовъ до заката солнца ежедневно наслаждались музыкой; любители собирались около музыкантовъ, разгуливая группами по лугу вдоль рѣчки; купанье, одно изъ важныхъ развлеченій, давно уже прекратилось по случаю наступившихъ холодовъ. Съ закатомъ солнца, взвивалась ракета и раздавался выстрѣлъ изъ орудія, которые обозначали моментъ вечерней молитвы; тогда во всемъ лагерѣ строились по ротнѣ и пѣли молитву Господню; церемонія заключалась парадной зорью и гимномъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ.» Послѣ этого гуляющіе расходились по палаткамъ, гдѣ составлялись частныя бесѣды, постоянною темою всѣхъ разговоровъ былъ, разумѣется, Карсъ, и ежедневные слухи о истоющемся тамъ провіантѣ. Слухи эти единогласно подтверждались перебѣжчиками, число которыхъ постоянно возрастало. Иногда бесѣда замѣнялась карточной игрою по «самой маленькой», на бутылку вина для ужинающей компаніи. Расходясь по палаткамъ и ложась спать, всякій невольно говорилъ себѣ: «вотъ еще однимъ днемъ ближе къ паде-

нію Карса, а тамъ и на зимовку, разойдемся по домамъ, а что будетъ въ будущемъ, о томъ — Богъ знаетъ.»

Приближеніе осени становилось съ каждымъ днемъ замѣтнѣе и замѣтнѣе, хотя погода стояла хорошая; но ночи и утренники были очень холодны; поэтому многіе начали устраивать въ палаткахъ печи и двери, то есть устраиваться по зимнему. Мнѣ, какъ невидавшему подобныхъ вещей, казалось такого рода устройство вовсе невыполняющимъ свое назначеніе, но когда я побывалъ въ двухъ-трехъ палаткахъ, то убѣдился, что выдумка эта не дурна; тепло хотя и уходитъ сквозь холстъ, но все-таки держится часовъ пять, но только въ двойныхъ палаткахъ; въ ординарныхъ же и не трудились ничего дѣлать.

Зимнее устройство палатокъ покажется, можетъ быть, нѣсколько замысловатымъ новичку; вотъ оно: положимъ въ палаткѣ живутъ два оберъ-офицера, слѣдовательно стоятъ двѣ кровати, а въ промежуткѣ между изголовьями столъ. На половинномъ разстояніи отъ дверей къ столу выкапывается яма, глубиною въ полъ-аршина, шириною во весь промежутокъ, находящійся между кроватями (аршинъ съ четвертью); яма эта выкладывается по бокамъ и накрывается сверху каменными плитами (которыхъ на позиціи было много) и смазывается глиной, — это печь. Далѣе роется канава одной глубины съ печью и также покрытая плитой; проходя подъ столомъ она выходитъ изъ-подъ палатки на аршинъ въ наружу, — это составляетъ трубу, устье которой всегда нѣсколько выше низа палатки, для того, чтобы дымъ, подчиняясь направленію вѣтра, не входилъ въ палатки. Вотъ весь секретъ незатѣйливаго, но очень удобнаго устройства печей въ палаткахъ.

Вечеромъ, передъ ужиномъ, печь затапливается, тутъ же разогрѣвается и ужинъ; накалившіяся боковыя и верхнія плиты какъ самой печки, такъ и трубной канавы, держатъ тепло, какъ я уже сказалъ, часовъ пять, но при этой печкѣ, дверь необходима потому, что холстъ, хотя и заходитъ полами одинъ на другой, но колыхаясь отъ вѣтру, черезъ полчаса и даже скорѣе выпуститъ тепло. Утромъ, пока мы еще спимъ, заботливые деньщики затапливаютъ печь, согрѣвая при этомъ и чайникъ. Просыпаемся въ теплѣ, какъ будто въ квартирѣ, а тамъ взошедшее солнце обогрѣетъ землю и такимъ образомъ неудобство холода устранено.

Бани, прямая необходимость быта Русскаго, гдѣ бы онъ не жилъ, устраивались также и у насъ въ лагерѣ, но печь выкладывалась изъ простыхъ камней и труба дѣлалась на скорую руку. Для этой цѣли всегда становилась ординарная палатка, накрытая сверху такой же. Предварительно обѣ палатки намачивались; во время же самаго мытья, сырость ихъ постоянно поддерживали окачиваніемъ сверху и съ боковъ. Къ этой импровизированной банѣ плотно приставляли еще палатку для раздѣванія; разумѣется, для удобства, все это устраивалось на берегу Карсъ-чая; здѣсь же согрѣвалась и теплая вода въ ротныхъ котлахъ. Тутъ представляется только одна опасность, отъ которой опытный человѣкъ всегда можетъ остережиться, а поплачивались дорого только новички; дѣло въ томъ, что во время мытья, надо быть очень осторожнымъ и отнюдь не касаться холста, онъ хотя мокръ, но до такой степени накаливается, что можно обжечься совершенно также, какъ дотронувшись до красно-накаленной плиты.

20-го сентября у насъ въ лагерѣ открытъ былъ базаръ, куда жители привозили сѣно, а кушцы устроили небольшія лавки съ разными мелочными товарами, продавая преимущественно табакъ, папиросы, разные сласти и прочее. Солдаты разныхъ частей корпуса продавали здѣсь свои произведенія: шитыя рубашки, рукавицы, сапоги и т. п.

23-го числа, въ Хаджи-вали и Пиръ-вали учреждены были этапы въ ротномъ составѣ, и въ каждомъ поставлены по четыре большія суконныя палатки для больныхъ; палатки эти въ тоже время служили пріютомъ для проходящихъ изъ лагеря въ Александрополь и обратно.

28-го числа выѣхалъ къ намъ изъ Карса повѣренный въ дѣлахъ персидскаго консула въ Арзерумъ и отправился чрезъ Эривань въ Персію.

Слухи о намѣреніи Турокъ покинуть Карсъ подтверждались ежедневно; по этому, 29-го сентября, приказано было людямъ спать одѣтыми и вообще быть готовыми къ выступленію по первой тревогѣ; въ этотъ же день была распущена по домамъ грузинская дворянская дружина.

9-го октября, значительная партія Лазовъ хотѣла пройти чрезъ нашу цѣпь, но сильно за это поплатившись, принуждена была вернуться въ Карсъ; она потеряла однимъ плѣннымъ 116 человѣкъ.

10-го октября пріѣхалъ въ нашъ лагерь персидскій посланецъ; его, какъ дорогаго гостя, встрѣтили съ большимъ почетомъ: отъ деревни Магараджикъ, гдѣ для болѣе тѣсной блокады временно стоялъ съ драгунами графъ Ниродъ, его провожалъ дивизіонъ драгунъ съ хоромъ трубачей, а три эскадрона разставлены были по дорогѣ. На другой день утромъ, онъ представлялся главнокомандующему и поднесъ ему портретъ Его Величества шаха, украшенный бриліантами. Потомъ его высокопревосходительство пригласилъ посланца въ нижній лагерь, гдѣ была выстроена часть пѣхоты; объѣхавъ по рядамъ, главнокомандующій произвелъ ученье, сдѣлавъ нѣсколько совершенно новыхъ построеній. (Въ это время Турки, увидавъ движущіяся стройныя массы по лугу, вѣ лагерь, встревожились, построились на Шарохъ и все время производимаго у насъ ученья стояли, кажется, подъ ружьемъ). За тѣмъ, въ честь гостя данъ былъ обѣдъ; два хора музыки, поставленные съ обѣихъ сторонъ столовой, играли до вечера. Его высокостепенству былъ приставленъ почетный караулъ по чину генералъ-маіора. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ.

12-го октября, наши милиціонеры пмѣли небольшую стычку съ баши-бузуками и регулярными кавалеристами, которые вышли изъ крѣпости для фуражировки; при этомъ нѣсколько Турокъ изрублено и захвачено пятьдесятъ пять лошадей и оружіе, брошенное бѣглецами.

Ночью съ 13-го на 14-е число козачій разъѣздъ настигъ курьера, пробиравашагося въ Карсъ изъ Арзерума, который, во время преслѣдованія, желая облегчить себя, разбросалъ всю свою почту, но все-таки былъ пойманъ и приведенъ къ главнокомандующему. Нарочно посланные преслѣдовали весь путь, по которому козаки гнались за курьеромъ, и подобрали корреспонденцію; между частными письмами, одно было адресовано на имя «генерала Муравьева отъ Анны Томпсонъ» изъ Лондона; дама эта писала, что ей уже извѣстно, какъ Русскіе перехватываютъ всѣ почты, идущія въ Карсъ, но желая во что бы то ни стало передать сыну (служащему при генералѣ Вилліамсѣ) медаль, письмо и визитныя карточки, убѣдительноѣше просить генерала исполнить ея желаніе. По введенному порядку, всѣ частныя письма и посылки по утру же были отправлены въ Карсъ.

Перебѣжчики, ежедневно являвшіеся и приводимые изъ блокированныхъ Карсъ отрядовъ нашихъ, постоянно рассказываютъ

о недостаткѣ продовольствія, что сдѣлалось уже не секретомъ для всей непріятельской арміи; но начальники по возможности удерживаютъ солдатъ отъ побѣговъ, рассказывая имъ, что имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія, будто Русскіе разослали по дальнимъ деревнямъ козаконъ для собиранія подводъ, которыя приходятъ подъ вечеръ, что мы ихъ ночью нагружаемъ и отправляемъ въ Александрополь, такъ, что въ одно утро они увидятъ насъ уже ушедшими. Подобные рассказы повторяются часто, но теперь они уже мало дѣйствуютъ; солдаты ясно видятъ въ настоящемъ недостатокъ продовольствія, а въ будущемъ увеличеніе голода, тѣмъ болѣе, что ежедневная дача провіанта уменьшена и весьма многіе бѣгутъ изъ крѣпости; число перебѣжчиковъ было бы еще больше, еслибы не бдительный надзоръ начальства и мѣры строгости, вслѣдствіе конихъ нѣсколько бѣжавшихъ были для примѣра разстрѣлены. Но и эта мѣра не вполне дѣйствуетъ; нѣкоторыя изъ бѣгущихъ выходятъ съ оружіемъ, стараясь пройти чрезъ нашу цѣпь, чтобы пробраться на родину; но ихъ ловятъ и приводятъ къ намъ въ лагерь. Бѣдствіе гарнизона увеличивается еще и тѣмъ, что онъ проводитъ ночи безъ сна; съ первыхъ дней октября, каждую ночь изъ главнаго лагеря высылаются партіи козаконъ и милиціонеровъ, которыя, разбѣгая подъ стѣнами карскихъ укрѣпленій, сильно тревожатъ непріятеля, заставляя его стоять подъ ружьемъ; мы часто по ночамъ и рано по утрамъ, слышимъ выстрѣлы съ батарей. Турки каждую ночь повидимому ожидаютъ нападенія съ нашей стороны, въ томъ справедливомъ убѣжденіи, что мы знаемъ о ихъ слабости, изнуреніи и недостаткахъ (*).

(*) До какой степени была тѣсна блокада и какъ были исправны наши разбѣды, доказывалось неоднократно самыми повидимому мелочными и иногда довольно забавными случаями. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Темной ночью, житель одной изъ подвластныхъ намъ въ то время деревень думалъ было провезти своему знакомому въ крѣпость муки. Навьючивъ быка двумя мѣшками, онъ сталъ осторожно пробираться въ Карсъ. Къ несчастію его, наши разбѣды не дремали; мужикъ, услыхавъ топотъ лошадей, спѣшилъ скрыться, оставивъ быка одного раздѣлываться съ разбѣдомъ. Конечно, быкъ не проскользнулъ, и былъ приведенъ въ лагерь. Осталось узнать, кому принадлежалъ быкъ, или изъ какой деревни виновный, пробиравшійся въ Карсъ. Не помню кто-то подаль мысль, что быкъ долженъ самъ открыть виновнаго. Пустивъ его на волю, можно было предположить, что онъ самъ отправится въ деревню къ своему хозяину, и тогда стоять только слѣдить за нимъ и виновный откроется; такъ и было сдѣлано. Освобожденный быкъ сначала постарался утолить свой голодъ, пощи-

Жители тоже выходятъ изъ Карса съ надеждою пройти внутрь страны, и рассчитывая на худшее, то есть попасть къ намъ въ плѣнъ, они все таки могутъ считать себя въ выигрышѣ, потому что будутъ имѣть хлѣбъ; но имъ не удается ни то, ни другое; ихъ немедленно отправляютъ назадъ, въ томъ расчетѣ, что чѣмъ больше будетъ въ городѣ народу, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе голода. Иногда выходятъ изъ крѣпости женщины и дѣти, рыдая и жалуясь на свое несчастное положеніе.

Перебѣжчики, пришедшіе 15-го числа, рассказываютъ, что у нихъ обыкновеннаго мяса, масла, крупъ и огородныхъ овощей уже нѣтъ; имъ даютъ понемного конины, но скоро и эта пища сдѣлается рѣдкимъ лакомствомъ.

Ночью съ 19 на 20 число, полковникъ Тихоцкій, временно командовавшій вмѣсто генерала Бакланова, напалъ на большую толпу вооруженныхъ Лазовъ, которые хотѣли пройти на родину. Наткнувшись на нашъ отрядъ, они дрались отчаянно, убили одного козака и ранили двоихъ, но сами, съ потерю 23 чловѣкъ убитыми и 10 плѣнными, принуждены были вернуться назадъ; нѣсколькимъ все таки удалось скрыться въ темнотѣ, какъ рассказывали козаки.

21 числа пріѣхалъ изъ Карса парламентаръ; такъ какъ мы давно уже не имѣли удовольствія видѣть у себя такого рода гостей, то сначала нѣкоторые предполагали, что онъ привезъ письмо отъ генерала Вилліамса, съ предложеніемъ сдачи, но чрезъ нѣсколько времени узнали, что этотъ парламентаръ (адъютантъ начальника штаба Киримъ-паши) привезъ предложеніе о выдачѣ нашихъ тяжело раненныхъ плѣнныхъ, изъ числа взятыхъ въ день штурма. Тотчасъ были посланы повозки за ними, и къ вечеру, къ палаткѣ главнокомандующаго привезли одного оберъ-офицера и четырнадцать рядовыхъ. Нѣкоторые были безъ рукъ, другіе безъ ногъ; при спросѣ, всѣ хвалили медика, усердно ихъ лечившаго, но пищей были недовольны.

Радость ихъ трудно описать; кто цаловался и обнимался съ товарищами, кто молился Богу. Всѣ были довольны и счастливы; разсказамъ не было конца.

павъ травы, тихо побрелъ себѣ по полю, направился къ одной изъ деревень и вошелъ въ нее.

Винный былъ узнавъ и наказанъ, а предатель быкъ, за свою услугу, съѣденъ тѣми, которымъ попался ночью.

Подойдя къ раненымъ, я увидалъ молодаго человѣка съ повязаннымъ глазомъ, въ синемъ гражданскомъ пальто, сѣрыхъ брюкахъ и въ фуражкѣ съ околышемъ изъ золоченаго галуна. То былъ Тульского егерскаго полка подпоручикъ Любимовъ, товарищи котораго считали убитымъ на штурмѣ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября, холода сдѣлались весьма ощутительными. Главнокомандующій, имѣя твердое намѣреніе покорить Карсъ, рѣшился зимовать на этой позиціи.

Было отдано приказаніе возить лѣсъ съ Саганлугскаго хребта для постройки барачковъ. И вотъ баталіоны наши начали по очереди ходить туда, рубить и привозить лѣсъ въ лагерь; а жители ближайшихъ деревень, смекнувъ выгоду, которую могутъ изъ того извлечь, привозили на нашъ базаръ бревна и чрезвычайно выгодно сбывали ихъ; въ покупателяхъ недостатка не было.

Новая сильная дѣятельность закипѣла во всѣхъ блокирующихъ Карсъ отрядахъ; одни рыли длинныя и значительно глубокія ямы, другіе пилили бревна на доски, третьи исполняли разныя плотничьи работы, четвертые выкладывали печи; наши храбрые солдаты сдѣлались и мастеровыми и своего рода архитекторами; не доставало только стекляннаго завода съ необходимыми инструментами, а то (право кажется не ошибаюсь) нашлись бы мастера дѣлать и оконныя стекла.

Много дней сряду только и слышно было, что стукъ топора, визжаніе пилы, да лихія звонкія пѣсни, разносившіяся далеко по полю и навѣвавшія особенную отраду на душу Русскаго, мысленно унося его на святую родину; а надежда, этотъ добрый геній утѣшитель, обѣщалъ современемъ превратить сладкую мечту въ отрадную дѣйствительность. По ночамъ слышенъ былъ только визгъ пилы особенно дѣятельныхъ работниковъ, желавшихъ пріобрѣсть лишнюю копѣйку, и съ этою цѣлью нанимавшихся въ работу у штабныхъ офицеровъ, маркитантовъ и вообще у всѣхъ, которые хотѣли ускорить постройку своихъ домовъ.

Бѣлыя палатки, красиво рисовавшіяся на темномъ фонѣ, ежедневно исчезали, а на мѣсто ихъ являлись то длинныя, невысокіе дома, съ правильно образовавшимися улицами, и обширныя площади, то отдѣльныя, крытыя тесомъ строенія, выступавшія

своими размѣрами изъ ряда обыкновенныхъ; по исключительному ихъ виду можно было узнать мѣсто жительства начальствующихъ лицъ. Наконецъ палатокъ не стало вовсе, и явился новый городъ, вмѣщавшій около тридцати тысячъ жителей; для глаза недоставало только окрашенныхъ стѣнъ.

Баракы строились различно: нѣкоторые выстраивались въ видѣ домиковъ, стѣны которыхъ выкладывались изъ дерна или изъ камней; крыша на подобныхъ баракахъ обыкновенно дѣлалась изъ теса. Для большей же части построекъ, вырывалась четырехъ-угольная яма, глубиною аршина въ два и болѣе; ширина же и длина назначалась самимъ владѣльцемъ и строителемъ. Въ эту яму становились сосновыя бревна, потомъ дѣлались верхнія связи и рамы для дверей и оконъ, а стѣны возводили изъ дерна, изъ камня, или изъ смѣси того и другаго.

Поставивъ стропила для крыши, прикрѣпляли къ нимъ довольно рѣдко толстыя доски, а промежутокъ между ними переплетали прутьями, накладывали бурьянъ и засыпали все это толстымъ слоемъ земли; потомъ прорывали ко входу отлогую лѣстницу, ступеней въ пять, навѣшивали двери, вставляли рамы и баракъ въ-чернѣ былъ готовъ.

Внутренняя же отдѣлка зависѣла отъ средствъ хозяевъ; многіе дѣлали стѣны и полъ изъ теса, но большая часть, вбивъ вдоль стѣнъ колышки, развѣшивала на нихъ палаточной холстъ, а верхъ палатокъ употребляли для обивки потолка, полъ же оставляли землянымъ, уравнивъ и укатавъ его; при оказіи выписывали изъ Алексадраполя стекла, а до тѣхъ поръ заклеивали рамы или намасленной бумагой, или прибавали бѣлый каленкоръ. При всей простотѣ и незатѣйливости послѣдняго устройства, внутренность барака принимала очень опрятный, чистенькій видъ; начальники и вообще всѣ, кто былъ побогаче, отдѣлывали свои баракы, можно сказать, роскошно.

По случаю значительнаго требованія стекла и желѣзныхъ принадлежностей, которыя доставались изъ небольшого города Алексадраполя, товары эти поднялись значительно въ цѣнѣ, а иногда доставать ихъ было очень трудно.

Печи выкладывались изъ простаго камня, или изъ плиты, мало у кого изъ кирпичей, и обмазывались глиной. Пока баракъ еще только отдѣлывался, печь внутри протапливалась для собственной осушки, и потомъ окончательно водворялись хозяева.

Неоднократно случалось, что въ первые дни баракъ подвергался порчи, отъ неосторожности жильцовъ, которые, наученные опытомъ, дѣлались впослѣдствіи аккуратнѣе; напримѣръ, кто нибудь, желая при выходѣ плотнѣе притворить дверь, чтобы не выходило тепло, сильно хлопнетъ ею, отъ этого сотрясенія не утвердившіеся еще камни и дернъ выскакивали, образовывая въ стѣнѣ брешь, и тогда одинъ за другимъ обваливались всѣ камни, до верхняго горизонтальнаго бревна; тутъ немедленно приступали къ починкѣ, но иногда приходилось перекладывать всю стѣну.

9-го октября были готовы бараки въ 1-й бригадѣ 18-й пѣхотной дивизіи; вслѣдъ затѣмъ оканчивались постройкой и въ другихъ частяхъ войскъ, такъ что къ концу октября во всемъ лагерѣ не было уже ни одной палатки.

Развалины деревни Чифтли-кая, расположенной на берегу Карсъ-чая и находившейся въ центрѣ нашего городка, употреблены были съ огромной пользой. Вблизи рѣки устроены были бани, которыя постоянно, раза два и болѣе въ день, топились; такъ много было охотниковъ попариться.

Остальныя развалины саклей тоже были прекрасно исправлены разными промышленниками, необходимыми спутниками войскъ; у лагеря осаднаго корпуса появились: вольные портные, шапошники, ювелиры, булочники и часовой мастеръ; понаѣхали Евреи съ разными золотыми и серебряными бездѣлушками, принадлежностями дамскихъ уборовъ, и хотя прекраснаго пола въ нашемъ импровизированномъ городѣ не было и слѣда, не такъ какъ въ осадныхъ паркахъ союзниковъ въ Крыму, но браслеты, серги, брошки и разные пустяки распродавались успѣшно: ловкіе Евреи смекнули, что мы давно не видались съ женами, сестрами, матерями и всѣми близкими сердцу, непременно, хотя бы изъ послѣднихъ денегъ, купимъ имъ какой нибудь подарочекъ, и доставимъ его лично или пошлемъ по почтѣ; достоинство посылаемыхъ подарковъ заключалось въ томъ, что они посылались изъ военнаго лагеря, Евреи не ошиблись въ расчетѣ. Сбытъ, повидимому, совершенно лишнѣйшей вещей былъ превосходный; такъ по крайней мѣрѣ они сами въ послѣдствіи говорили.

Скажемъ огромное спасибо русскимъ купцамъ, которые, понявъ истинную нашу, привезли къ намъ шубы всевозможныхъ мѣховъ, теплые сапоги и перчатки, и хотя очень естест-

венно имѣли огромный барышъ, но за то принесли не меньшую пользу.

Въ первыхъ числахъ ноября, когда морозы по утрамъ доходили до 10° Реомюра, мы убѣдились по опыту, что бараки, построенные изъ одного камня, или съ малой примѣсью дерна, имѣютъ огромное преимущество, въ гигиеническомъ отношеніи, предъ построенными изъ одного дерна; въ послѣднихъ, послѣ топки, по всему бараку стелется густой туманъ отъ испареній дерновыхъ стѣнъ, и вошедшій въ баракъ съ свѣжаго воздуха слышитъ какой-то гнилой, тяжелый запахъ, естественно вредный; въ первыхъ же этого замѣчено не было. Это неудобство не могло придти на мысль первоначально, потому что всѣ, гонимые изъ палатокъ холодомъ, торопились строиться изъ подручныхъ матеріаловъ, во избѣжаніе возки ихъ на лошадяхъ; оттого и вышло, что гдѣ было много камня, тамъ изъ него выложили стѣны, а гдѣ его вовсе не было, тамъ постройки дѣлались изъ одного дерна; такъ, напримѣръ, въ нижнемъ лагерѣ, за неизмѣнимъ камня, почти всѣ бараки были дерновые.

Но какъ бы то ни было, мы, поселившись въ баракахъ, жили прекрасно и, сидя около топящихся печей, подтрунивали надъ бѣдными Турками, которые мерзли на высотахъ своихъ укрѣпленій, и пришли въ ужасное уныніе, видя, что мы привели себя въ оборонительное положеніе отъ холода и рѣшились зимовать. Въ довершеніе безсильной зависти, они съ укрѣпленій видятъ, что въ нашъ лагерь постоянно прибываютъ изъ Александраполя нагруженные припасами арбы.

Проснувшись утромъ, мы обыкновенно пили чай съ мягкими французскими булками; часу въ десятомъ, промышленники, съ желѣзными ведрами въ рукахъ, бѣгали по лагерю, покрикивая: «пирожки горячи»; жители окрестныхъ деревень привозили молоко и яицы, продавая все очень добросовѣстно; у маркитантовъ явилось пиво и поговаривали объ устройствѣ билліарда. Артисты солдаты начали дѣлать сани, рассчитывая кататься по снѣгу, какъ у насъ въ Россіи; словомъ, все намъ благопріятствовало, и какъ будто на смѣхъ Туркамъ, у насъ было изобиліе всѣхъ припасовъ такъ, что за обѣдомъ браковали хлѣбъ вчера испеченный, а сухари были совсѣмъ забыты; для войскъ, начальство тоже изыскало способы печь хлѣбъ.

Главнокомандующій назвалъ нашъ городъ *Станомъ Владикарсомъ*; солдаты же, любители дополнять и переначивать

по своему, дали различнымъ частямъ лагеря свои названія. Такъ наприимѣръ бараки Лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка назвали они *Царскимъ Селомъ*; Гренадерскаго Его Высочества Константина Николаевича полка — *Константиновкой*; бараки отдѣльнаго отряда Донскихъ козаковъ, состоявшихъ подъ командою генерала Бакланова, — *Баклановкой*, а ближній лагерь драгунъ — *Дондуковкой*.

При встрѣчѣ, серьезный разговоръ ихъ вызывалъ невольный смѣхъ.

— Здравствуй, откуда ты?

— Да изъ *Дондуковки*, ѣздилъ за сѣномъ, сказывали, что тамъ есть лишнее, ну ротной и послалъ меня, анъ попусту проѣздилъ.

— А я, вотъ, изъ *Царскаго Села*, къ земляку сапожнику ходилъ, да сегодня онъ въ цѣпи, смѣна будетъ послѣ зори, такъ стало утромъ побываю.

— Каково у васъ, тепло? у насъ, братъ, славно, все сидимъ у печи, да картофель печемъ!

— Тепло-то и у насъ, да два раза труба обваливалась, сверху приладили камни больно велики, такъ стало быть и не держать, да теперь хорошо будетъ — плитнякомъ выложили!

— Извѣстное дѣло, плитнякъ ловчее булыжника, — плотно лежитъ. Вотъ вчера на базарѣ рукавицы купилъ за четвертакъ.

— Ничего хороши. Мы съ Игнатьевымъ понашили изъ мундира Акимова, дай Богъ ему Царство Небесное и вѣчный покой, добрая была душа.

— Оно такъ, умеръ-то онъ, какъ слѣдъ солдату, да проклятые Османы похоронили-то не по христіански.

— Да вотъ погоди, когда изъ Карса-то ихъ выморимъ, поставимъ большой крестъ, такъ и будетъ по Божески. А скоро ли выморимъ-то, вотъ что?..

При началѣ холодовъ, всѣмъ частямъ войскъ были розданы полушубки. Офицеры запаслись такими же, ходили въ нихъ на аванпосты и въ секреты, гдѣ такого рода предосторожность дѣйствительно была незамѣнимо хороша.

Милиціонеры, посланные изъ нашего главнаго отряда для разъѣздовъ за Саганлугскимъ хребтомъ, распустили тамъ слухъ, что наши войска уже выступили и идутъ опять къ Арзеруму для разбитія Вели-паши. Натурально, этотъ слухъ скоро дошелъ до него, онъ тотчасъ же двинулся къ Арзеруму, вооружилъ всѣхъ

жителей и послалъ на Саганлугъ обывательскія арбы за лѣсомъ, намѣреваясь устроить бараки, но разѣзжавшіе тамъ 22-го октября милиціонеры взяли эти арбы съ лѣсомъ и напали на вооруженныхъ Лазовъ въ лѣсу, близъ деревни Бардусъ, приготовлявшихъ уголь для Вели-паши. Въ этой схваткѣ убили двухъ и взяли 180 вьюковъ угля съ яшаками и привели въ нашъ лагерь.

23-го числа генералъ Баклановъ, съ восемью баталіонами пѣхоты, двумя батареями и драгунскимъ полкомъ, ходилъ для разбора на дрова деревни Шарохъ. Движеніемъ этимъ, Турки очень встревожились и начали съ Шарохскихъ укрѣпленій стрѣлять; но ядра не долетали; впрочемъ, одно, пушенное вѣроятно изъ орудія наибольшаго калибра, перелетѣло нѣсколько сажень за деревню, не причинивъ, однако, никакого вреда нашимъ.

Турецкое начальство въ Карсѣ все еще старается удерживать солдатъ отъ побѣговъ, поддерживая слухи о скоромъ прибытіи подкрѣпленій, но никто уже не вѣритъ имъ, тѣмъ болѣе, что прежніе рассказы объ отступленіи нашемъ по случаю холодовъ не сбылись. Солдаты турецкіе сами видятъ, что мы прочно устроились зимовать; дымъ, выходящій изъ трубъ топящихся печей нашихъ, хотя не рѣжетъ и не коптитъ имъ глазъ, но тоскливо отзывается въ сердцахъ. Весь гарнизонъ въ большомъ уныніи отъ недостатковъ провизіи, болѣзни сильно развиваются, — появилась цынга.

Говорятъ, что конина идетъ въ пищу только для больныхъ, а изъ-за внутренностей убитой лошади, даже изъ-за кишокъ, происходили сильныя драки. Сухарей солдатамъ даютъ еще меньше прежняго, а иногда по щепоткѣ кофе и по кусочку сахару, котораго прошлый годъ много привезено въ Карсѣ для контрабандной торговли на границѣ нашей.

Побѣги съ каждымъ днемъ увеличиваются, многіе оставляютъ даже аванпосты, куда, вѣроятно, назначаются самые надежные, бѣгутъ съ оружіемъ, намѣреваясь пробраться сквозь нашу цѣпь. Эта попытка по прежнему рѣдко имъ удается, бѣглецовъ перехватываютъ козаки, при встрѣчѣ съ которыми они показываютъ только видъ сопротивленія. Перебѣжчики рассказывали, что подобныхъ имъ преступниковъ, неуспѣвшихъ ускользнуть, разстрѣливали въ примѣръ другимъ, но какъ видно, эта мѣра нисколько не помогаетъ; съ каждымъ днемъ число перебѣжчиковъ увеличивается. Съ нашихъ пикетовъ ихъ гонятъ

толпами въ лагерь, гдѣ они тотчасъ же просятъ пищи и со слезами радости бросаются на хлѣбъ, которымъ чуть не давились, глотая его.

Жалко смотрѣть на несчастныхъ, оборванныхъ, изнуренныхъ, съ блѣдными лицами и впалыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ душевно приятно слышать, какъ наши солдаты, сострадая къ несчастнымъ и добросердечно подавая кусокъ хлѣба, приговариваютъ: «кушай на здоровье, ты хоша и Турокъ, а все-таки человекъ.»

Трудно рѣшить, о чемъ думаетъ непріятельскій главнокомандующій, чего онъ еще ждетъ? Не лучше ли ему сохранить жизнь несчастныхъ вѣранныхъ ему солдатъ.

При всѣхъ удобствахъ и довольствахъ жизни нашей, лошади наши сильно терпѣли, хотя запасы сѣна были огромны, но они сдѣланы были только для казенныхъ лошадей; офицеры же для собственныхъ своихъ не имѣли возможности дѣлать запасовъ и покупали сѣно на базарѣ, куда привозили его мѣстные жители, продавая его въ послѣднее время довольно дорого, такъ, что небольшая вязанка дурнаго сѣна, а иногда осоки, которой при ячменѣ хватало одной лошади едва на двое сутокъ, стоила рубль серебромъ. Подъ конецъ осады, фуражъ сталъ еще дороже, да и то покупать было затруднительно. За разборкой сѣна на базарѣ слѣдилъ наряжаемый съ этой цѣлью ежедневно офицеръ; покупателю позволялось брать сразу не болѣе одной арбы, по этому нельзя было сдѣлать и недѣльнаго запаса. Когда и эти слабые подвозы стали уменьшаться, приказано было всѣмъ, кому нѣтъ особенной надобности въ лошадяхъ, продавать ихъ. Тутъ-то ловкіе Армяне, обладающіе особенною способностію изъ малаго извлекать большія выгоды безъ разбора способствъ, сумѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ для своего обогащенія. Они покупали отъ насъ лошадей за шестую часть настоящей ихъ цѣны, потомъ угоняли ихъ за Александрополь въ дальнія деревни, для прокорму зимой, въ полномъ убѣжденіи продать ихъ весной дорого. Отдавая лошадей съ большимъ убыткомъ, мы все-таки были рады, что избавились отъ хлопотъ, сопряженныхъ съ покупкою сѣна.

Въ концѣ октября у насъ была открыта почтовая, трюичная гоньба изъ главнаго лагеря до Александрополя; все разстояніе, 80 верстъ, раздѣлено было на три перегона: первый, отъ стана *Владикарса* до развалинъ деревни *Хаджи-вали*, гдѣ были

устроены бараки для этапа и для станціи; оттуда до деревни Пиръ-вали, которая не была оставлена жителями во все время войны, и въ продолженіе которой они успѣли сильно понажитья, занимаясь мелочною торговлею, — а оттуда въ Александрополь.

Но гоньба эта устроена была собственно для однихъ курьеровъ. Впослѣдствіи, въ случаѣ необходимости зимовать подъ Карсомъ, имѣлось въ виду увеличить число троекъ, чтобы всѣмъ доставить возможность ими пользоваться.

Въ первыхъ числахъ ноября, по лагерю разнесся слухъ о предстоящемъ штурмѣ Карса; всѣ были душевно рады покончить это дѣло: при разстройствѣ непріятельскаго гарнизона, побѣда казалась совершенно вѣрною и несомнѣнною; нетерпѣніе возрастало, — всѣ были въ тревожномъ ожиданіи, никто не могъ объяснить происхожденія этого слуха, но всѣ какъ-то безусловно вѣрили справедливости его, какъ будто сами слышали о томъ отъ главнокомандующаго.

Въ такомъ состояніи находились обѣ арміи: блокирующая и блокируемая, въ концѣ осады. Наконецъ, 12-го ноября, во второмъ часу дня, въ лагерь увидали ѣхавшаго изъ Карса парламентѣра; такъ какъ парламентѣры давно уже не пріѣзжали къ намъ, то всѣ съ какимъ-то нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ это кончится. Мы были нѣсколько поражены, когда вмѣсто Турка предъ нашими глазами явился стройный Англичанинъ, въ полномъ парадномъ мундирѣ. Зная бѣдствіе Карса и вліяніе Вилліамса на ходъ дѣла, не трудно было догадаться, что это вѣстникъ сдачи крѣпости. Пробывъ недолго у его высокопревосходительства, парламентѣръ уѣхалъ обратно. Черезъ нѣсколько времени стало извѣстно, что онъ привезъ отъ генерала Вилліамса письмо, а потомъ и то, что Вилліамсъ приглашенъ на завтра къ обѣду главнокомандующаго. Тутъ все объяснилось: радость была всеобщая.

Появленіе англійскаго парламентѣра вмѣсто турецкаго, какъ это бывало до сихъ поръ, съ самаго появленія его въ нашемъ лагерѣ, дало возможность понять цѣль предстоявшихъ переговоровъ. Никто не сомнѣвался, что дѣло шло о сдачѣ; весь лагерь засуетился, спѣшили посѣтить другъ друга и подѣлиться пріятною новостью. Пошли толки, разговоры, споры о сдачѣ крѣпости; всякій, кому случалось объ этомъ читать, рассказывалъ порядокъ церемоніи самой сдачи и вступленія побѣдителей; проговорили до полуночи

и разошлись въ самомъ веселомъ расположеніи духа; о штурмѣ, возобновившемъ до того всѣ умы, не было и помину.

Утромъ 13-го числа, отъ насъ была отправлена почетная встрѣча дорогому желанному гостю, состоявшая изъ нѣсколькихъ человекъ драгунъ въ мундирахъ и каскахъ съ султанами, при офицерѣ, и чиновникѣ канцеляріи намѣстника.

Наконецъ, мы увидали въ телескопъ, что Вилліамсъ уже вѣхалъ въ сопровожденіи своей свиты и нашихъ драгунъ; около полудня, онъ уже выѣзжалъ къ мосту, вблизи котораго натурально были любопытные, желавшіе поближе разсмотрѣть его, но они всѣ такъ удобно размѣстились, что англійскій генералъ врядъ ли могъ замѣтить это усиленное вниманіе.

Едва только онъ вѣхалъ на мостъ, какъ солдаты наши, бывшіе въ банѣ, непредувѣдомленные и только что выпарившіеся, выбѣжали гурьбой и, по русскому обыкновенію, бросились въ рѣку. Вилліамсъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нихъ и только пожалъ плечами и улыбнулся. Проѣзжая мимо деревни Чифлика, онъ, повидимому, былъ сильно озадаченъ, увидавъ вывѣски разныхъ мастеровыхъ, а въ булочныхъ мягкія красивыя булки и хлѣбы, лежавшіе на бѣлыхъ доскахъ въ ожиданіи покупателей; ѣхавшій съ нимъ рядомъ чиновникъ рассказывалъ объ устройствѣ всѣхъ этихъ заведеній.

Наконецъ весь кортежъ пріѣхалъ на главную площадку. Генерала Вилліамса проводили въ приготовленный для него баракъ, а чрезъ нѣсколько минутъ онъ отправился къ главнокомандующему, гдѣ пробылъ болѣе получаса; потомъ, выйдя, познакомился съ главными лицами штаба, и въ сопровожденіи дежурнаго адъютанта пошелъ осматривать станъ. Онъ заходилъ во многіе солдатскіе и офицерскіе бараки, удивляясь прекрасному ихъ устройству; заходилъ къ начальникамъ частей, гдѣ бараки были отдѣланы со всевозможною роскошью и удобствомъ; но болѣе всего его удивляла быстрота построекъ на такой значительный корпусъ войскъ.

День былъ солнечный, на небѣ ни облачка, во всемъ станѣ пѣли пѣсни, играла музыка и солдаты веселились отъ души; проходя мимо нихъ, Вилліамсу, вѣроятно, было грустно видѣть рѣзкую противоположность довольныхъ и счастливыхъ нашихъ солдатъ съ истомленными, голодными и убитыми несчастіемъ, защитниками Карса. Всѣ слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ и

словомъ нашего интереснаго гостя, а солдаты говорили между собою:

— А! вотъ и аглицкій паша пріѣхалъ къ намъ!

— Должно быть погрѣться и пообѣдать, подхватилъ другой: — дома-то, вишь, ничего ужъ нѣтъ.

— За то какой молодець, перебивалъ третій: — еще бы немножко, такъ былъ бы Русскій.

Пока Вилліамсъ осматривалъ станъ, въ штабѣ уже стало извѣстно, что онъ подписалъ предварительныя условія сдачи крѣпости, а на другой день обѣщался пріѣхать съ уполномочіемъ отъ турецкаго главнокомандующаго Васиѣ-паши, для окончательной подписи условій и назначенія дня сдачи.

Въ два часа, Вилліамсъ былъ приглашенъ къ главнокомандующему на обѣдъ со всей свитой; послѣ обѣда онъ пробылъ у главнокомандующаго еще довольно долго и познакомился со всѣми начальниками. Предметомъ разговоровъ былъ штурмъ 17-го сентября; Вилліамсъ съ особеннымъ чистосердечіемъ хвалилъ мужество и храбрость нашихъ войскъ. Потомъ распрашивалъ, какъ мы проводимъ время, рассказывалъ мрачныя картины бѣдствій турецкихъ войскъ, о томъ, что солдаты его, съ 7-го іюля, получали половинную порцію сухарей, а съ 1-го октября имъ прекратилась выдача говядины и гарнизонъ принужденъ довольствоваться одними сухарями безъ всякаго приварка; защитники Карсарыи около стѣнъ крѣпости какіе-то корни и варили ихъ, размачивая въ этомъ наварѣ сухари; конница же сберегалась только для больныхъ, но потомъ и ея не стало, и что тогда онъ вынужденъ былъ рѣзать по ночамъ собственныхъ своихъ лошадей, для того только, чтобы сколько нибудь поддерживать больныхъ, которыхъ набралось уже около 3,000 (*). Подъ вечеръ Вилліамсъ уѣхалъ, видимо довольный нашимъ радушнымъ пріемомъ.

Вилліамсъ—человѣкъ лѣтъ поды пятьдесятъ, съ просѣдью на головѣ и ухахъ, съ фізіономіей открытой и благородной; онъ

(*) Въ послѣднее время число больныхъ возрасло до этой цифры отъ безсонныхъ ночей, потому что козаки и милиціонеры, разѣзжая подъ стѣнами укрѣпленій и пуская въ непріятельскій лагерь ракеты, сильно тревожили Турокъ, которые полагали, что мы хотимъ идти на штурмъ. Очень естественно, что въ разказахъ генерала Вилліамса было мало для насъ новаго, но его слова еще болѣе убѣдили насъ въ страшной дѣйствительности невыразимыхъ бѣдствій гарнизона.

очень привѣтливъ и милъ въ обращеніи; одѣтъ былъ въ мѣховой бекешъ поверхъ мундира и въ фуражкѣ, съ околышемъ изъ золотаго галуна. Адъютанты его перезнакомились съ многими изъ штабныхъ; въ числѣ ихъ мы узнали вчерашняго парламентѣра капитана Тисделя.

Вечеромъ, послѣ отъѣзда Вилліамса, стали извѣстны условія сдачи, ему предложенныя, и на которыя онъ безпрекословно согласился. Въ главныхъ чертахъ они состояли въ слѣдующемъ:

1) Крѣпость должна быть сдана со всѣмъ оружіемъ и казеннымъ имуществомъ.

2) Вся Анатолійская армія, безъ исключенія, слагаетъ оружіе и сдается въ плѣнъ безусловно.

Его высокопревосходительство, въ уваженіе мужества и терпѣнія Анатолійской арміи, выразилъ желаніе оставить шашки всѣмъ военноплѣннымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ. Вилліамсъ упросилъ отпустить по домамъ милицію и всѣхъ выслужившихъ сроки, на что главнокомандующій согласился, но съ условіемъ, чтобы они были обезоружены и все время войны не призывались на службу. Часовъ въ одиннадцать слѣдующаго дня, 14-го ноября, къ общему изумленію, мы увидѣли скачущаго къ намъ адъютанта Вилліамса—это заставило насъ думать, что въ Карсѣ случилось что-то особенное. Наши догадки оправдались: пріѣхавшій сообщилъ слѣдующее: «когда турецкіе начальники собрали солдатъ и сообщили имъ объ окончательномъ истощеніи провіанта и о необходимости сдаться въ плѣнъ, полагаясь на наше великодушіе, то встрѣтили сильное сопротивленіе потому, что солдаты вовсе не знали о количествѣ провіанта и все еще, хотя немного, но вѣрили въ ожидаемую помощь со стороны Арзерума и отъ Омеръ-паши изъ Мингреліи. Слова же начальниковъ, находившіяся въ явномъ противорѣчій съ тѣмъ, въ чемъ ихъ старались убѣдить прежде, ихъ поразили; они не хотѣли сдаваться изъ страха, что ихъ поведутъ въ Россію. Отъ этого произошло большое смущеніе въ войскѣ, чуть-чуть не бунтъ; «далѣе, рассказывалъ адъютантъ, я едва могъ проѣхать сквозь толпу голодныхъ жителей, умолявшихъ о скорѣйшей выдачѣ хлѣба; крики ихъ еще болѣе увеличивали раздраженіе солдатъ». Но вечеромъ тотъ же адъютантъ привезъ вѣсть, что все поуспокоилось, вслѣдствіе раздачи всего остальнаго хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ привезъ уполномочіе Вилліамсу отъ турецкаго главнокомандующаго на утвержденіе заключенныхъ условій.

15-го числа вновь прѣхалъ къ намъ Вилліамсъ со своимъ штабомъ и съ Васиѳъ-пашей, Ахметъ-пашей и Керимъ-эффенди, и условія были окончательно подписаны. Сдача должна была произойти на слѣдующее утро. Вѣсть эта скоро разнеслась по стану, всѣ поздравляли другъ друга съ окончаніемъ похода и со скорымъ выступленіемъ на зимовку въ штабъ-квартиры. Но прежде всего всѣмъ хотѣлось побывать въ Карсѣ, рассмотреть его поближе, а главный интересъ возбуждала постройка укрѣпленій, сдѣланная подъ руководствомъ Англичанъ. Притомъ многимъ хотѣлось что нибудь купить въ Карсѣ, основываясь на слухахъ, будто тамъ много дешевыхъ заграничныхъ товаровъ.

Въ этотъ же день одинъ юнкеръ, изъ команды охотниковъ, хорошо знавшій турецкій языкъ и постоянно отличавшійся въ почныхъ тревогахъ, былъ посланъ за остававшимися въ Карсѣ ранеными въ день штурма. Керимъ-паша, увидавъ его, пригласилъ въ свою квартиру, спрашивалъ о политическихъ дѣлахъ и объ общемъ ходѣ войны, сознавшись, что, по случаю тѣсной блокады, они давно уже не получали о томъ никакихъ свѣдѣній. Юнкеръ сообщилъ ему, что у насъ носится слухъ, будто Омеръ-паша разбитъ. На это Керимъ-паша отвѣчалъ: «Онъ заслужилъ это; вмѣсто скорой помощи Карсу, вздумалъ маневрировать, а намъ пришлось сдаваться». Этимъ кончилась ихъ бесѣда.

16-го ноября весь станъ поднялся очень рано, всѣмъ какъ-то не спалось отъ душевнаго волненія, въ ожиданіи зрѣлища, чрезвычайна рѣдкаго. Но при всемъ благопріятномъ для насъ результатѣ компаніи, душа какъ-то невольно сочувствовала несчастному положенію Турокъ, вынужденныхъ силою обстоятельствъ отдать непріятелю послѣдній свой оплотъ, который они упорно отстаивали, пока была на то хотя малѣйшая возможность,—теперь, когда все было потеряно, осталась только надежда на великодушіе побѣдителей; но далекій путь въ Россію и безусловное повиновеніе христіанамъ ужасали Турокъ, привыкшихъ никогда не покидать родины. Заключеніе мира, разбѣгъ и возвращеніе домой плѣнныхъ, туманно рисовавшіеся въ будущемъ, мало могли утѣшать ихъ; они видѣли предъ собой одно безвыходное горькое настоящее, и это несчастіе, перешедшее въ отчаяніе, лишило ихъ даже утѣшенія надѣяться.

День былъ пасмурный; сѣрыя облака закрывали все небо и рѣзкій, по временамъ, сѣверный вѣтеръ пронизывалъ насъ до костей. Съ ранняго утра видно было въ телескопъ сильное движе-

ніе во всемъ турецкомъ лагерѣ; сборы были довольно продолжительны; наконецъ Турки группами начали спускаться съ высотъ и выходить изъ города.

Масса эта все болѣе и болѣе увеличивалась и наконецъ, около полудня, двинулась къ сборному пункту деревни Гюмбетъ и построилась у развалинъ древней христіанской церкви, куда прибыла къ двумъ часамъ дня. Въ крѣпости остался комендантъ съ обыкновеннымъ карауломъ.

Войска наши давно уже были выстроены въ видѣ полукруга; впереди стояли заряженные пушки съ дымящимися фитилями.

На огромномъ лугу лѣваго берега рѣки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены были кухни, гдѣ варился обѣдъ для давно ожидаемыхъ гостей.

Когда все было готово, муширъ Анатолійской арміи, Васьфъ-паша, объявилъ его высокопревосходительству о готовности своей къ сдачѣ.

Нашъ главнокомандующій выѣхалъ въ полной парадной формѣ, съ блестящей свитой и муширомъ; поздравилъ войска съ великимъ торжественнымъ днемъ и сталъ около мостика, черезъ которой должны были проходить военнопленные.

Прежде всего онъ вызвалъ Керимъ-пашу, стараго турецкаго генерала: къ нему подѣхалъ худенькій сѣдой старичекъ въ очкахъ. Главнокомандующій дружески пожалъ ему руку и довольно долго разговаривалъ съ нимъ; послѣ мы узнали, что они старые знакомые съ 1833 года. Когда его высокопревосходительство былъ съ нашимъ десантомъ въ Константинополь, Керимъ-паша служилъ подполковникомъ въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку Авни-бея; въ то время, командованіе полкомъ этимъ султанъ Махмутъ 2-й поручилъ теперешнему нашему главнокомандующему. За тѣмъ Керимъ-паша представлялъ всѣхъ начальниковъ частей Анатолійской арміи, которые и примкнули къ свитѣ главнокомандующаго.

Черезъ нѣсколько минутъ, двѣнадцать офицеровъ вышли изъ рядовъ со знаменами, которыя были шелковыя, большею частію красныя, исписанныя изрѣченіями изъ Корана. Для принятія ихъ, у насъ стояла рота Лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка; едва только знамена перешли въ наши руки, громкое «ура» огласило воздухъ; музыка заиграла по всей линіи войскъ

и провожала знамена до барака главнокомандующаго, гдѣ они и были поставлены (*).

Когда знамена приняли, муширь скомандовалъ своимъ войскамъ, и они начали проходить черезъ мостикъ, мимо главнокомандующаго, по четыре человѣка въ рядъ. Сначала шли: Редифъ, Лазы и башни-бузуки, отпускаемые на родину; всѣ были одѣты довольно дурно, ни на одномъ я не замѣтилъ сапогъ, даже у большей части офицеровъ ноги были обуты въ поршни и обернуты тряпками.

Всѣ войска (какъ я понималъ) проходили баталіонами и впереди каждаго ѣхалъ командиръ. При проходѣ втораго баталіона, рядомъ съ начальникомъ, ѣхала женщина (вѣроятно, жена его) съ закрытымъ лицомъ, вся одѣтая въ черномъ; съ четвертымъ командиромъ ѣхала также женщина. Къ лукъ сѣдла ея придѣлано было родъ люльки, которую она поддерживала рукой, а въ другой имѣла поводья. Большой кусокъ черной матеріи, спускавшійся съ головы женщины, закрывалъ люльку. Когда часть сдавшихся прошла, то главнокомандующій, желая проголодавшимся скорѣе доставить удовольствіе пообѣдать, объѣхалъ съ Васифъ-пашею остальные части турецкихъ войскъ.

Въ это время къ нему подѣхали члены меджлиса съ ключами отъ города, всѣ одѣтые въ богатые національные костюмы, а одинъ былъ въ зеленой чалмѣ—знакъ, что онъ родословную свою ведетъ отъ самаго Пророка. Главнокомандующій принялъ ихъ очень ласково, поговорилъ съ ними нѣсколько минутъ, объщалъ утромъ прислать жителямъ хлѣба и, распростившись, поѣхалъ домой.

Одновременно со сдачею Анатолійской арміи, шесть баталіоновъ пѣхоты и одна легкая батарея артиллеріи, подъ начальствомъ временнаго коменданта полковника де-Саже, вступали въ Карсъ и вечеромъ заняли уже въ крѣпости караулы. Каждый русской часовой смѣнялъ турецкаго, который, скинувъ перевязь и отдавъ ружье, отправлялся на сборный пунктъ.

(*) При всей важности этихъ торжественныхъ минутъ, нельзя было не-расхотаться. Когда гремѣло наше радостное «ура», случайно обернувшись, я увидалъ, что солдаты, находящіеся при котлахъ, отъ избытка радости принялись плясать вокругъ нихъ, съ какимъ то особеннымъ стараніемъ и неутомимостію выдѣлывая прыжки, а одинъ артистъ, вскинувъ вверхъ ноги, ходилъ на рукахъ. Такой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что дѣлалось передъ глазами, невольно разсмѣшилъ многихъ.

Возвращаясь въ станъ послѣ сдачи гарнизона и проѣзжая мимо Турокъ, усаженныхъ около котловъ, видно было, что глаза всѣхъ, устремленные на выходящей изъ-подъ крышекъ паръ, выражали страшное нетерпѣніе. Между тѣмъ каждый грызъ уже сухари, приготовленные въ изобиліи. Наконецъ настала благодатная минута! Крышки сняты! Всѣ мгновенно повскакали съ мѣсть и бросились съ чашками къ котламъ, не слушая своихъ офицеровъ, старавшихся водворить порядокъ. Усѣвшись отдѣльными группами, Турки ѣли съ невиданною торопливостію, размахивая руками съ удивительною быстротою. Такъ невыразимо вкуснымъ казался для несчастныхъ, полтора мѣсяца невидавшихъ теплой пищи, обыкновенный супъ съ говядиной. Но это высокое удовольствіе не обошлось для всѣхъ даромъ,—многіе заболѣли. Очевидцы рассказывали, что еще во время прохода черезъ мостикъ, небольшая толпа проворныхъ лазовъ, соблазненная пріятнымъ запахомъ варившейся пищи, овладѣла двумя котлами, и наши добрые солдаты изъ состраданія ретировались, уступивъ имъ эти трофеи безъ боя. Наблюдая въ сторонѣ, когда Турки кончатъ обѣдъ, мы увидѣли, что сдавшіеся, пообѣдавъ и отдохнувъ, потянулись нестройной толпой къ деревнѣ Азаткевъ, а тѣ изъ нихъ, которые отпускались на родину, въ нашъ станъ для ночлега.

Уже смерклось; главнокомандующій, возвращаясь въ станъ, пригласилъ къ обѣду турецкихъ генераловъ; всѣмъ имъ были уже приготовлены бараки. Керимъ-пашу его высокопревосходительство оставилъ у себя, назвавъ своимъ гостемъ; многіе офицеры наши пригласили къ себѣ турецкихъ погостить до отпращиванія, стараясь, на сколько позволяли средства, угождать имъ; Турки были очень за это признательны.

Когда мы вернулись въ наши бараки, то во многихъ нашли Турокъ; такъ въ одномъ, двое несчастныхъ сѣвъ, на корточки и взявъ лежавшую на постели енотовую шубу, укрылись ею и заснули; въ другомъ баракѣ они разсѣлись у топящихся печей, въ третьемъ ложились на постели и укутывались чѣмъ попадо. Лихорадка трясла ихъ немилосердно; когда несчастные увидѣли вошедшихъ хозяевъ, они самымъ жалостнымъ голосомъ говорили что-то: не зная языка — можно было только догадаться, что они просятъ не лишать ихъ теплаго угла; во всемъ сказанномъ мы понимали слова «Аллахъ» и, ради его святаго имени, помогали по возможности.

Поздно вечеромъ многіе изъ нихъ бродили еще около баракъ, просясь быть принятыми въ теплой пріютъ съ раздрающимъ душу воплемъ; утромъ нашли многихъ полуживыми въ конюшняхъ, подъ окнами и у дверей, а многихъ мертвыми. Тяжело было глядѣть на такое ужасное бѣдствіе пятнадцати тысячъ человѣкъ, до котораго довело ихъ бесполезное упорство начальниковъ.

Вечеромъ отдано было приказаніе, чтобы всѣ, имѣющіе надобность быть въ Карсѣ, являлись къ дежурному штабъ—офицеру для получения билета, который должно было предъявлять козакамъ, оцѣпившимъ уже крѣпость.

На другой день сдачи, рано утромъ, отправился я съ моимъ начальникомъ для осмотра крѣпости. Я долженъ былъ получить приказаніе касательно топографическихъ работъ, которыя предполагалось произвести. Не доѣзжая двухъ верстъ до укрѣпленій, мы выѣхали на дорогу, по которой наканунѣ шла сдававшаяся Анатолійская армія. Будучи первый разъ свидѣтелемъ такого историческаго событія, я съ полнымъ вниманіемъ старался слѣдить за всѣмъ, что могло только представить малѣйшій интересъ.

Поѣздкой моей въ Карсъ я былъ особенно доволенъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ вступившаго туда нашего гарнизона, никто еще изъ нашихъ не успѣлъ быть тамъ. Я надѣялся по этому застать все въ томъ же порядкѣ, въ какомъ крѣпость была у Турокъ, и къ крайнему удовольствію не ошибся. Много разъ приводилось мнѣ читать объ отступленіи великой арміи Наполеона изъ Москвы, но никогда немогъ совершенно отчетливо представить себѣ этого безпорядка. Когда я выѣхалъ на дорогу, по которой слѣдовала наканунѣ Анатолійская армія, я понялъ и увидалъ, какова должна быть страшна картина отступающаго войска, потерявшаго все, даже надежду на поправленіе своего жалкаго положенія.

Дорога была усыяна всевозможными военными принадлежностями, и мѣстами такъ густо, что лошадь наступала на патроны, разсыпанный порохъ и десятки пуль. Разодранное платьє, тряпки, эполеты, офицерскіе мѣдные знаки съ изображеніемъ луны и звѣзды, барабаны, ранцы, подсумки, разные ремни, сабли безъ ноженъ и ножны безъ сабель,—все это валялось на пути и тянулось по обѣимъ сторонамъ; начавшійся съ восходомъ солнца вѣтеръ подымалъ на воздухъ все тряпье и разносилъ его по

полю. Между этимъ хламою мѣстами видѣлись мертвые Турки, немогшіе доплестись до сборнаго пункта и замершіе ночью.

Провожавшіе насъ козаки нѣсколько разъ соскакивали съ лошадей и подымали разныя вещи, надѣясь употребить ихъ съ пользою для себя, но постоянно разочаровываясь, бросали, приговаривая: «ну ужь добро, видно у Турокъ на всегда безсрочная аммуниція, вершка въ ремнѣ не найдешь годнаго.»

Подѣхавъ къ стѣнамъ укрѣпленій нижняго лагеря, я увидалъ во всю длину его линію правильныхъ ямъ, рядовъ въ пять, расположенныхъ шахматами; но какъ эти ямы имѣли въ глубину не болѣе четверти аршина, то думаю, что они нѣсколько не оправдывали своего назначенія, пѣхота могла по нимъ идти безпрепятственно, а кавалеріи нѣтъ никакой надобности скакать подъ самыя стѣны; надо полагать, что они недокончены по причинѣ изнуренія солдатъ отъ тревогъ, производимыхъ нашими легкими отрядами.

У воротъ стоялъ уже нашъ часовой; вѣхавъ внутрь укрѣпленій, прежде всего бросились мнѣ въ глаза стоявшія въ козлахъ наши ружья, съ повѣшенными на нихъ изъ бѣлыхъ ремней сумками; сзади, въ томъ же порядкѣ, стояли турецкія ружья съ черными ремнями, а потомъ палатки, около которыхъ расхаживали временно поселившіеся въ нихъ наши солдаты. Около воротъ стояло нѣсколько человекъ.

Мы вѣхали на Шарохскія высоты, гдѣ перебивали на всѣхъ батареяхъ; въ каждой, гдѣ только стояли ружья, сложенные въ козлахъ, наши офицеры, назначенные для приѣма, составляли описи казеннаго имущества, многія палатки были до верха набиты патронами и ящичками съ пистонами, но все было большею частію разсыпано и разбросано, полусабли лежали кучами, солдаты ихъ пересчитывали, а офицеры вносили въ опись.

Потомъ мы посѣтили Чахмахскія и Карадахскія высоты; вездѣ былъ одинъ и тотъ же безпорядокъ.

Съ особеннымъ любопытствомъ осматривали мы всю линію укрѣпленій; валы и батареи были превосходны во всѣхъ отношеніяхъ. Они были устроены съ полнымъ знаніемъ полевого инженернаго искусства; но палатки представляли печальный видъ: всѣ, исключая начальничьихъ, были дырявыя и оборванныя до такой степени, что на многихъ надѣтыя сверху вторыя не могли закрыть дыръ. Какъ то смѣшно было глядѣть, что въ

этихъ палаткахъ, Турки, также какъ и мы, устроили печи, но тепло врядъ ли могло хоть четверть часа держаться.

На нѣкоторыхъ батареяхъ мы видѣли сидѣвшихъ около пушекъ турецкихъ офицеровъ; на лицахъ ихъ видна была грусть и отчаяніе; куря папирасы, предложенныя имъ нашими офицерами, они какъ то безсознательно слѣдили за хлопотами распорядителей, или опустивъ головы, упирали взоры въ землю съ выраженіемъ полного равнодушія. Отложивъ, по случаю дурной погоды, осмотръ нижняго лагеря до другаго времени, и выслушавъ приказанія начальника относительно съемки, къ которой надо было приступить завтра же, я спустился, послѣ полудня, въ городъ, съ тѣмъ, чтобы побывать въ цитадели.

Тутъ картина бѣдствія рисовалась еще ярче; въ узкихъ улицахъ города, почти черезъ каждыя десять сажень, валялись гниющіе трупы и остовы лошадей, собаки разрывали ихъ, оглаждая съ жадностію кости.

Встрѣчающіеся жители просили милостыни; но нищихъ оставалось уже немного, потому что былъ розданъ привезенный утромъ хлѣбъ и разнесенъ многимъ больнымъ на квартиры, такъ что проѣзжая по городу, мы встрѣчали многихъ, сидѣвшихъ уже спокойно около своихъ домовъ. Глядя на ихъ физіономіи, можно было тотчасъ отличить мусульманъ отъ христіанъ. У первыхъ на лицахъ ясно выражалась злоба и глаза горѣли какимъ то звѣрствомъ; вторые привѣтливо улыбались, на лицахъ ихъ высказывалась радость видѣть насъ властелинами города.

Вездѣ замѣтно было какое-то тревожное движеніе и ожиданіе чего-то особеннаго, вслѣдствіе перемѣны правленія и главстей: дѣти, находящія во всякой новизнѣ случай къ удовольствію, шумно рѣзвились на плоскихъ крышахъ саклей, осыпая всякаго прохожаго и проѣзжаго непривѣтливымъ «Урусъ гяуръ», «Урусъ кебекъ».

Крутая высокая гора, на которой построена цитадель, облѣплена саклями; между ними вьются много подъемовъ вверхъ. Одна улица, безъ крутыхъ подъемовъ, по которой довольно свободно можно было проѣхать, привела насъ въ цитадель, очень хорошо устроенную на гребнѣ горы и обнесенную толстыми стѣнами съ бойницами. Проѣхавъ, подъ сводомъ, въ ворота, мы вступили на длинной площади. Тутъ стояла одна мечеть и небольшой домикъ, гдѣ помѣщался нашъ караулъ; оставивъ здѣсь своихъ лошадей, мы поднялись на верхнюю площадку ци-

тадели, гдѣ стояла одна мортира и толстый шестъ, на которомъ развѣвался нашъ флагъ, сшитый въ прошлую ночь. Въ амбразуры видна была вся панорама Карса, прекрасно рисовавшаяся съ высоты; восемь минаретовъ рѣзко возвышались надъ строениями и составляли свою стройностію и высотой главное украшеніе города. Для непривычнаго глаза какъ-то грустно было невидѣть ни одного креста, замѣннаго здѣсь полукруглыми, тонкими изображеніями луны.

Съ другой стороны цитадели виденъ былъ крутой, глубокой оврагъ; на днѣ его извивался Карсъ—чай тоненькой, свѣтлой полосой; двѣ водяныя мельницы дорисовывали картину. Къ стѣнѣ той части цитадели, которая обращена къ городу, лѣпился небольшой домикъ съ красной крышей, балкономъ и бѣлыми стѣнами, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ покоились остатки какого-то мусульманскаго святого и покровителя города. При всемъ желаніи узнать что нибудь поподробнѣе о немъ, я не могъ, и замѣтилъ, что Турки, должно быть, считаютъ грѣхомъ рассказывать христіанину о своихъ святыняхъ. Полюбовавшись городомъ, мы спустились внизъ и отправились въ станъ лѣвымъ берегомъ рѣки; выѣзжая изъ города, мы проѣхали мимо кладбища, гдѣ похороненные (должно быть, недавно) едва были присыпаны землей, такъ что вѣтеръ почти обнажилъ нѣкоторыя трупы; къ вечеру мы приѣхали домой усталые и промокшіе.

Въ этотъ же день редифъ, Лазы и башы-бузуки, отпущенные на родину, отправлены были по направленію къ Саганлугскому хребту, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, одного эскадрона драгунъ и двухъ орудій. Путь свой они усыяли трупами и жители окрестныхъ деревень хоронили своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ. Саганлугскій хребетъ былъ уже покрытъ снѣгомъ. Можно безошибочно полагать, что много труповъ легло и изгнѣло подъ нимъ, немногіе вернулись на родину.

При началѣ кампаніи, карскій гарнизонъ состоялъ изъ 30,000; втеченіе лѣта взято въ плѣнъ до 2,000; изъ крѣпости, съ начатіемъ голода, успѣли пробраться домой до 3,000; при штурмѣ 17-го сентября, въ разновременныхъ небольшихъ дѣлахъ, отъ холеры, голода и болѣзней погибло до 8,000. Овладевъ Карсомъ, мы нашли въ госпиталяхъ болѣе 2,000; изъ оставшихся 15,000 взято въ плѣнъ 8,000, а 7,000 распущены по домамъ.

Такъ уничтожилась многочисленная, прекрасно вооруженная армія, укрывавшаяся въ стѣнахъ неприступной крѣпости — оплота всей Азіатской Турціи. Турецкое начальство, располагая огромными запасами продовольствія за Саганлугскимъ хребтомъ и ближе, не позаботилось своевременно о перенесеніи ихъ въ Карсъ. Результаты этой оплошности были печальны. Цвѣтущая армія, самая лучшая часть турецкихъ силъ въ Восточную войну, можно сказать — не существовала. Все, что отъ ней осталось, были 8,000 плѣнныхъ. Начальство турецкое, должно быть, не подозрѣвало, что нашъ главнокомандующій сначала уничтожитъ ихъ хлѣбные запасы, а потомъ уже примется за крѣпость. Съ крѣпостью мы приобрѣли 130 осадныхъ батарейныхъ и легкихъ орудій, до 30,000 ружей и штуцеровъ французской работы; значительный запасъ пороху и разныхъ боевыхъ снарядовъ, 12 полковыхъ знаменъ и множество баталіонныхъ и сотенныхъ значковъ; всѣ эти трофеи впоследствии перевезены въ Тифлисскій арсеналь. Турецкіе генералы, очень естественно, грустили о своемъ несчастіи, проклинали эту войну; въ разговорахъ, они жаловались на неудачный союзъ съ Англичанами и Французами. Большею частію, они сидѣли у себя въ баракахъ, но съ удовольствіемъ принимали посѣщенія нашихъ генераловъ, видя въ этомъ участіе и заботливость объ облегченіи ихъ положенія.

Военно-плѣнныхъ раздѣлили на пять партій, и 18-го числа отправилась въ Алексадраполь первая, затѣмъ черезъ день вторая и т. д. 20-го отправился изъ лагеря генераль Вилліамсъ со своимъ штабомъ. Медика же, состоявшаго при немъ, главнокомандующій освободилъ изъ плѣна, въ уваженіе заботливости и искуснаго леченія, которыми пользовались отъ него наши раненые, послѣ штурма 17-го сентября.

21-го отправился изъ лагеря муширъ Васиѳъ-паша; въ этотъ же день утромъ отслужена была панихида о храбрыхъ воинахъ нашихъ, падшихъ на полѣ славы въ теченіе всей компаніи.

22-го отряжена была команда для зарытія, на Шарохскихъ высотахъ, нашихъ убитыхъ въ день штурма, и дурно похороненныхъ Турками. На мѣстѣ, гдѣ лежатъ остатки нашихъ храбрыхъ воиновъ, поставленъ большой деревянный крестъ.

24-го отправили въ Тифлисъ остальныхъ пашей, а затѣмъ начались сборы войскъ, назначенныхъ къ выступленію въ штабъ-квартиры на зимовку.

Въ станѣ закипѣла новая дѣятельность; всѣмъ хотѣлось домой; каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отправленія, все укладывалось, увязывалось и посылалось съ попутчиками въ Александрополь, для того, чтобы отправиться въ путь на легкѣ; на лошадей требованіе непомерно усилилось.

30-го главнокомандующій оставилъ насъ, а вслѣдъ за нимъ потянулись и войска.

Станъ опустѣлъ, войска, оставшіяся подъ командою генераль-маіора Фетисова, перешли въ верхній лагерь, потому что здѣсь бараки, выстроенные преимущественно изъ камня, были гораздо удобнѣе, а главное представляли выгоды въ гигиеническомъ отношеніи. Передъ отъѣздомъ, главнокомандующій передалъ генералу Фетисову икону, присланную отъ неизвѣстнаго лица, съ надписью на обратной сторонѣ «въ Карсъ». До паденія крѣпости, его высокопревосходительство хранилъ ее у себя, но теперь за неимѣніемъ въ городѣ греческой церкви, невозможно было исполнить желаніе жертвователя, а потому и рѣшили поставить икону въ походную церковь стана.

Проѣзжая на почтовыхъ изъ Александрополя въ Тифлисъ, мнѣ привелось обогнать двѣ партіи плѣнныхъ; при всѣхъ заботахъ начальства нашего, невозможно было въ короткій промежутокъ времени значительно поправить ихъ разстроенное здоровье; несчастные плелись нога за ногу, растянувшись на нѣсколько верстъ (сопровождавшій ихъ конвой шелъ по обѣ стороны); отстававшихъ сажали на арбы, оказывали возможныя медицинскія пособія; но при всемъ этомъ, нѣкоторые помирали на дорогѣ, и земская полиція хоронила ихъ.

Проѣзжающихъ, Турки останавливали, прося хлѣба и табаку, и предлагая въ обмѣнъ какую-нибудь вещь. Очень естественно всякій дѣлился по возможности, не принимая вещей, и это, какъ я замѣтилъ, ихъ не столько радовало, сколько удивляло. Ко мнѣ подошелъ одинъ офицеръ; сначала показалъ онъ на свои погончпки (давая знать о званіи), потомъ на пустой кисеть, и вмѣстѣ съ тѣмъ бросилъ въ телегу лайковыя перчатки: подѣлившись табакомъ и возвратя перчатки, я предложилъ ему булку; сначала онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, потомъ спряталъ перчатки въ карманъ, взялъ булку, и, разломивъ на двое, далъ половину тутъ же стоявшему товарищу; улыбувшись какъ то насмѣшливо, онъ отошелъ въ сторону и даже не показалъ вида благодарности.

Приѣхавъ рано утромъ на станцію Делижанъ, находящуюся въ большомъ селеніи, мнѣ пришлось дожидаться нѣсколько часовъ лошадей; тутъ дневала первая партія плѣнныхъ. Около станціоннаго дома толпилось нѣсколько человѣкъ; одинъ предложилъ мнѣ купить часы, простые, серебрянные, стоящіе не дороже 25-ти рублей серебромъ, и спрашивалъ за нихъ 40 червонцевъ; плохо понимая татарскій языкъ, я думалъ, что ошибся, подозревалъ Армянина, прося быть переводчикомъ, и тотъ засмѣявшись сказалъ, что Турокъ дѣйствительно проситъ сказанную сумму; я пожелалъ ему продать ихъ за сто, и пошелъ по селу. Около одной лавки, Турокъ стряпалъ себѣ премудреный обѣдъ, до котораго навѣрное не дотронулся бы Европейецъ. Восточный поваръ налилъ въ чашку немного воды, положилъ меду, изюму и масла, насыпалъ муки, и перемѣшавъ все это, принялся ѣсть. Окончивъ этотъ завтракъ, онъ закусилъ его чурекомъ (*), отдалъ чашку лавочнику, закурилъ трубку и довольный пошелъ къ толпѣ товарищей, грѣвшихся у костра; вообще замѣтно, что они большіе любители сладкаго. Уѣхавъ съ этой станціи, я на другой день былъ въ Тифлисѣ, куда прибыли всѣ военно-плѣнные.

Весною слѣдующаго 1856 года, я былъ командированъ въ числѣ прочихъ на съемку Карской области. Дѣйствующимъ корпусомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, квартировавшій съ своимъ штабомъ въ Алексадраполѣ. Часть войскъ стояла въ нашихъ границахъ, около города, по рѣкѣ Арпа-чаю; остальные въ 12-ти верстахъ, въ деревнѣ Пиръ-вали, на тракѣ въ Карсъ, а около самаго Карса баталіонъ пѣхоты для занятія карауловъ. Сверхъ того, во всей области, на перекресткахъ большихъ дорогъ и во многихъ деревняхъ, разставлены были козачьи аванпосты, для удержанія въ страхѣ Курдовъ, начавшихъ уже безпоконть жителей въ деревняхъ и проѣзжающихъ на дорогахъ. Для бо́льшей же безопасности, аванпосты держали пикеты днемъ и ночью на главныхъ трактахъ; такимъ образомъ спокойствіе было восстановлено, и Курды, начавшіе промышлять грабежемъ, переловлены.

По мирному трактату, Карсъ возвращался Турціи; но какъ постройка баракровъ, прямая наша собственность, стоящая боль-

(*) Пресная лепешка; во всеобщемъ употребленіи у азіатскихъ народовъ.

шихъ трудовъ и издержекъ, а Александрополь постоянно терпитъ недостатокъ въ лѣсѣ, который сверхъ того нуженъ и для войскъ, тамъ расположенныхъ, то главнокомандующій приказалъ разобрать весь станъ, и, пользуясь большою водою въ Карсъ-чай, сплавить по возможности лѣсъ.

Немедленно было приступлено къ работѣ; бараки разбирали, бревна спускали на воду, и козаки съ пиками, разставленные по обоимъ берегамъ рѣки, гнали лѣсъ до впаденія Карсъ-чая въ Арпа-чай; тутъ вытаскивали его и возили въ Александрополь.

Прѣхавъ въ Пиръ-вали и получивъ конвой, я отправился на производство возложенной на меня работы. Мнѣ довелось побывать и въ станѣ; грустно было видѣть его: прошлую осень, красивый и многлюдный, онъ имѣлъ всю обстановку военного города: улицы, полныя народа идущаго и ѣдущаго, давали знать о дѣятельности живущихъ. Звуки пѣсенъ, а по временамъ и музыки, бодрый видъ встрѣчающихся, все оживляло городъ, хотя и не очень красивый на взглядъ, но зато изобилующій всѣмъ нужнымъ для жизни.

Теперь же, подѣхавъ къ Владикарсу, прежде всего, рѣзко бросалась въ глаза безлюдность; потомъ разбросанные дома представляли какія то безобразныя ямы, наполненные соромъ, и всякимъ хламомъ, подлѣ каждой ямы лежали кучи земли и камни; кое-гдѣ торчали невывезенныя еще бревна, и вообще вся мѣстность представлялась какъ-то беспорядочно-изрытою, и картина такого разоренія наводила ужасную тоску на душу.

— Ишь ты! какъ изуродовали нашъ станъ-то, сказалъ одинъ козакъ, обращаясь къ товарищамъ.

— Да, братъ, иной незнающій подумаетъ, что Турки разгромили его.

Подѣхавъ къ уцѣлѣвшему еще штабу, и явившись къ командиру расположеннымъ здѣсь донскимъ козацкимъ полкомъ, за обѣдомъ у него я узналъ о расположеніи пикетовъ, объ ожидаемыхъ арбахъ для своза остальнаго лѣса, и о всемъ, что мнѣ нужно было знать для лучшаго исполненія возложеннаго порученія; поблагодаривъ за радушный пріемъ и сообщенныя свѣдѣнія, я хотѣлъ было отправиться далѣе, но никакъ не утерпѣлъ, чтобы не побывать въ своемъ баракѣ, гдѣ такъ прекрасно прожилъ съ своими товарищами; взойдя, я снова очутился у себя дома, не нашелъ ни малѣйшей перемѣны: четыре кровати съ сѣпомъ стояли на своихъ мѣстахъ, сломанный табуретъ въ углу;

печь, согрѣвавшая насъ и доставлявшая иногда по вечерамъ удовольствіе, неразрушена, — словомъ, вся обстановка свидѣтельствовала о незабвенномъ прошедшемъ.

Я сѣлъ на свою кровать и невольно задумался; казалось, вотъ отворится дверь, товарищи войдутъ и вѣчно веселый Л. И. скажетъ что нибудь новое, разсмѣшитъ, или начнетъ подтрунивать надъ серьезнымъ П..... и чего не приходило на мысль, какое-то новое чувство родилось въ душѣ, было ли это сожалѣніе о прошломъ, или тоска о недавно оставленныхъ въ Тифлисѣ, или непривычка къ настоящему одиночеству, опредѣлить не могу, какая-то необъяснимая тоска давила грудь.

— Вьючныя не стоятъ, лягаются, прикажите ѣхать, ваше благородіе, а то имъ трудно, сказалъ вошедшій козакъ.

— Куда же ты поѣдешь?

— Не могу знать.

— Ну, такъ говори проще. поѣдемъ, ваше благородіе, уже пора.

— Точно такъ-съ.

Сѣвъ на коня, я поѣхалъ, и долго не могъ отогнать мрачныя думы; но козакъ, затянувъ какую-то веселую пѣсню, развлекли меня.

И такъ, я видѣлъ станъ Владикарса послѣдній разъ въ жизни. Черезъ двѣ недѣли мнѣ пришлось быть въ Карсѣ; подъѣзжая, я увидалъ гору, на которой прежде стояла цитадель, украшавшая весь городъ своею правильною фигурою съ зубчатымъ верхомъ; теперь же, обрушенныя взрывомъ стѣны выказывали обезображенную вершину съ грудой камней пестраго цвѣта, и сѣрый, мрачный Карсъ казался еще угрюмѣе, высокіе минареты, нѣсколько деревьевъ около кладбища и свѣтлая извилистая лента Карсъ-чая, то скрывающаяся, то появляющаяся снова, немного смягчали суровую картину. Укрѣпленія, мѣстами, были уже срыты; чистота окрестностей города и улицъ представляла большой контрастъ съ тою безпорядочностью, которая прошлую осень представлялась на каждомъ шагу.

Приѣхавъ въ городъ и явившись губернатору, который приказалъ отвести мнѣ квартиру, я отправился въ сопровожденіи квартальнаго надзирателя по узкимъ извилистымъ улицамъ и остановился у главной мечети; здѣсь указали мнѣ пустой домъ, и предложили весь въ мое распоряженіе; осмотрѣвши его, я нашелъ въ немъ семь покоевъ, изъ которыхъ только два похожи

на комнаты, потому что имѣли окна съ желѣзными рѣшетками, выходящими на дворъ, обнесенный стѣною, остальные покои, полутемные, освѣщались съ потолка, или изъ нарочно устроенныхъ отверстій, или дырками худой крыши. Въ каждомъ покоѣ былъ каминъ, и въ двухъ лучшихъ сверхъ того шкафы и что-то въ родѣ нашихъ наръ вдоль всей стѣны. Здѣсь прожилъ я десять дней и съ удовольствіемъ осмотрѣлъ городъ. Карсъ по объему своему не великъ, чрезвычайно мало имѣетъ оконъ на улицы, которыя такъ узки, что съ одной стороны, безъ особеннаго затрудненія, можно перескочить на другую.

24-го іюля, я получилъ приказаніе окончить мою работу, по случаю передачи Карса турецкому правительству.

Пріѣхавъ 26-го числа на аванпостъ въ Хаджи-вали, я хотѣлъ утромъ отправиться въ Карсъ, любопытствуя присутствовать при передачѣ его, но внезапная болѣзнь удержала меня на аванпостѣ. Я пролежалъ два дня въ палаткѣ у козачьяго офицера.

28-го іюля Карсъ переданъ турецкому правительству; 29-го вернувшіяся оттуда войска расположились временно около Александрополя по рѣкѣ Арпа-чаю и 30-го не было уже ни одного Русскаго въ предѣлахъ Азіятской Турціи.

И. ПИСАРСКІЙ.